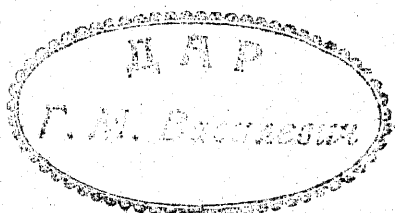

840.874

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

На правах рукописи

Г.М.ВАСИЛЕВИЧ

ЭВЕНКИ

(к проблеме этногенеза тунгусов и этнических процессов
у эвенков).

Доклад по опубликованным работам, представленный на
соискание ученой степени доктора исторических наук.

ЛЕНИНГРАД

1968 г.

На правах рукописи

Г.М.ВАСИЛЕВИЧ

ЭВЕНКИ

(к проблеме этногенеза тунгусов и этнических процессов
у эвенков).

Доклад по опубликованным работам, представленный на
соискание ученой степени доктора исторических наук.

P. 840874

ЛЕНИНГРАД

1968 г.

Д И Р

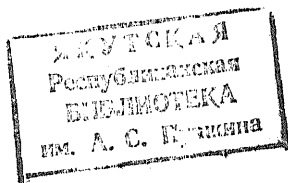
Г. М. Василевич

Защита состоится на заседании Ученого Совета
Института этнографии АН СССР 1968 г.

Доклад разослан 1968 г.

Ученый секретарь ИЭ АН СССР

/М.С.КОШУБА/

I. Введение

Эвенки (тунгусы в литературе до 1932 г.) — один из народов тунгусо-маньчжурской группы, к ХУП в. освоивший горную тайгу Сибири от Енисея на восток до Охотского моря. Отдельные группы их еще до ХУП в. заходили на запад от Енисея в район истоков Кети, Сыма (эвенк.назв. Чиромбу — запись ХУП в.), Елогуя и Турухана (эвенк.назв.), Таза. Большие группы их в то время осваивали лесотундру между Енисеем и Леной, а некоторые из них — тундру между Хатангой (эвенк.назв.) и Леной. К востоку от Лены, кроме тайги, тунгусы (предки эвенов) кочевали по отрогам Верхоянского хребта. На юге они распространялись в нижних половинах левых притоков Ангары, вокруг Байкала и в горной тайге верхнего Приамурья и дальше на восток до Охотского моря. В степях Забайкалья-Верхнего Приамурья тунгусы (хамныганы, солоны, онгкору, орочены) издавна были скотоводами, кочевали череполосно с бурятами и монголами и к ХХ в. ассимилировались с ними, сохранив, в деталях, элементы своей тунгусской культуры. Таким образом, часть тунгусов, кочевавших в верхней части бассейна Амура, находится за рубежом.

В ХХ в. район распространения эвенков в Сибири несколько изменился: в тундре между Хатангой и Леной, а также на Амге и в нижней половине Алдана и на Вилле их сменили якуты, оставшиеся ассимилировались с ними (Б.О.Долгих, И.С.Гурвич), с Алдана одни ушли к Охотскому морю, другие — к истокам притоков. В бассейне Вилля они остались только на Чоне и выше по Виллю. С притоков Ангары они перешли на запад, за Енисей, и на север в бассейн Подкаменной Тунгуски и севернее; часть передвинулась к истокам Лены и ее верхних притоков, с Лены, Олекмы, Витима и Амура перешли к истокам их притоков. Тунгусы (современные эвены) распространились на северо-восток, к Анадырю и на Камчатку. В 1959 г. по Советскому Союзу их числилось 24,5 тыс. и за рубежом — 7 тыс. (1957).^{I)} Следовательно, их общая численность доходит до 32 тыс. (1959 г.).

Современные эвенки в СССР представляют собой народность с общими языком и основой этнографического комплекса. Диалекты с говорами и локальные варианты этнографического комплекса не нарушают этого единства. Утверждение общего самоназвания и создание литературы на эвенкийском языке способствовало развитию этнического самосознания. Несмотря на широкую расселенность, эвенки, сейчас считают себя одним народом. Более или менее компактные группы их живут в Эвенкийском национальном округе, между Олекмой и Витимом, на истоках Алдана и на Охотском побережье (Аянский и Чумиканский районы).

Современный эвенкийский язык делится на северное, два южных и восточное наречия или диалектные группы, в которые входит по несколько диалектов, объединяющих, в свою очередь, говоры (48, 49, 53). Наречия до ХУШ в. еще были диалектами, объединяющими говоры, и границы их в то время были несколько иными. К древним диалектам относятся сибилантный - шипящий диалект ангарско-прибайкальских тунгусов, сибилантный - свистящий - витимско-забайкальских и сибилантно-спирантный - забайкальско-амурских тунгусов. Спирантные (хакающие) - северные диалекты образовались уже в историческое время. До XIX в. в местах их распространения были шипящие говоры. Впервые частично спирантизированные говоры были зарегистрированы Мааком в бассейне Вилюя. Вилюйские тунгусы, благодаря расселению якутов вверх по Вилюю, уже с конца ХУП в. начали отходить на запад - на Нижнюю Тунгуску (соврем. ербогоченская группа). Здесь их говоры оказывали влияние на шипящий говор коренных тунгусов хундысал (хозяев собак). Кроме того, на Нижнюю Тунгуску, в этот же район, переходили группы витимских эвенков, потомков скотоводов из родов Силигир, Чилчагир и Хачекагир (29). Они говорили на свистящем диалекте. Тесный контакт, через браки, привел в конце XIX в. к смещению особенностей трех диалектов и образованию нового спирантного ербогоченского диалекта, объединяющего четыре говора. В район к западу от этого диалекта - к северу от Нижней Тунгуски, еще до ХУП в., начали проникать забайкальско-амурские оленеводы орочен, говорившие на сибилантно-спирантном диалекте, и стали вносить особенности своего диалекта в шипящие говоры коренных

тунгусов кундысал. А после ХУП в. началось проникновение тунгусов с Вилюя со спирантизированными говорами. Спирантность одержала верх и в начале ХХ в. в основном закончилось образование нового спирантного илимпийского диалекта. Отдельные этапы этого процесса зафиксированы в лингвистических записях Мессершмидта (41), Миддендорфа, Чекановского (30), Рычкова и собранных нами.³ В конце XIX в. образовалась токминская группа на истоках Подкаменной Тунгуски, Непы-Токмы и Нижней Тунгуски. В нее вошли ангарские эвенки с Илима, ленские - с Киренги (у которых имеется название рода забайкальско-амурских тунгусов ХУП в. - Баягир, 13, 29, 53) и ниже-тунгусские (29). Их шипящий диалект сохраняет некоторые особенности сибилантно-спирантного амурского и непского - современного сибилантного диалектов. Сибилантно-спирантный диалект к началу ХХ в. распространился к северу от Амура и к востоку от Лены-Витима и превратился в наречие, охватывающее много диалектов позднего образования.

Самые ранние сведения о племенах (сушень, шивей, мохэ), которых в литературе ХУШ-ХІХ вв. считали тунгусами, дают китайские источники. О группах больших шивеев - У-УП вв. - сивирах эвенкийских сказаний - современных сибинцах, родственных маньчжурам, можно говорить как о тунгусах. В УП в. в районе верховий Олекмы-Витима упоминаются оленные увань (~ гувань, гуй), которых не без основания сопоставляют с эвенками-эвенами (Бернштам, Окладников), в бассейне Сунгари впервые отмечены чжурчжени, а в X в. уже появляются предки современных маньчжуров. По всем другим данным, охотники, которые осваивали тайгу левых притоков Ангары, ("на пути из киргизов в курыканы") - в УП в., и были описаны в трудах арабских писателей X в. - (Гардизи) и XII в. (Марвази)⁴ - были тоже тунгусами. Это подтверждается и топонимом Енисей (эвенкийское Йэнэ-Йана-Йэниэги), адаптированным русским языком. Название Енисей-Аны - в древнетюркских памятниках УШ в. (Тоньюкук), по определению Бартольда, имеет тунгусское происхождение.

Знакомство русских с тунгусами началось в ХУІ в. Первые сведения о них дал в 1573 г. землепроходец Петр Вислоухов. А начиная с ХУП в., сведения о разных сторонах жизни встречаются в офи-

циальных документах (росписи рек, скаски, грамоты, отписки, допросные речи и др.). Они были учтены первым составителем атласа Сибири С.Ремезовым⁵⁾ (1698-1700). На его картах, в виде чумов, нанесены места стоянок тунгусов и указаны типы хозяйств (лодочные, пешие, оленные). На востоке в это время сведения о тунгусах-ороченах Приамурья получил от одного пленного москвитянина французский иезуит Жербильтон. Эти сведения об ороченах попали в работу Дюгальда.⁶⁾

Первое описание ангарских и ленских тунгусов и их собачьего транспорта в 1657 г. Упольский военнопленный А.Каменский-Длужек.⁷⁾ Некоторые сведения имеются в описании путешествия в Китай русского посла Спафария. Первый этнографический очерк ангарских и забайкальских тунгусов дал голландец Исбранд Идес,⁸⁾ направленный послом в Китай в 1693-1694 гг. Свое описание он расширил данными о тунгусах, расселенных по соседству с его маршрутом, а очерк о верхнеамурских тунгусах написал его спутник Бранд.⁹⁾

Одним из первых ученых, приглашенных Петром I для изучения Сибири, был Д.Г.Мессершмидт.¹⁰⁾ В 1723-1725 гг. он проехал по Енисею, Нижней Тунгуске, Лене в Иркутск, отсюда по Забайкалью и обратно в Иркутск и по Ангаре вернулся в Енисейск. В своих дневниках он оставил впервые произведенные им лингвистические, а также этнографические записи от разных групп тунгусов. Эти материалы показывают, что он наблюдал один из этапов процесса проникновения амурских оленеводов-орочен в среду пеших охотников - хундысал в бассейне Енисея. Его характеристика собачьих групп дополняет описание Длужека и Идеса. В языке тунгусов Забайкалья в то время были значительные следы сибилантного - шипящего диалекта - языка пеших групп, по-видимому, ушедших из Приангарья в более раннее время. Материалы Мессершмидта были использованы его спутником (первого года его экспедиции) Таубертом-Страленбергом, опубликовавшим большой труд по Сибири.¹¹⁾ Большое значение имели труды участников Второй Камчатской экспедиции (1733-1743) Г.И.Гмелина и Г.Ф.Миллера. Последний первым высказал мысль о том, что тунгусы были аборигенами тайги Восточной Сибири. Монгольская скотоводческая терминология в языке

степных тунгусов привела его к выводу, что степные тунгусы были раньше оленными охотниками, а "сходство языков тунгусов, дауров, маньчжуров свидетельствовало, "что эти народы когда-то были одним народом с тунгусами... поэтому, китайцы называли их всех татарами". Особое значение Г.Ф.Миллер придавал кочеваниям отдельными семьями ("редко встречаются в большом числе").¹²⁾ Переводчик этой экспедиции Линденау, длительное время проведенный на Охотском побережье, оставил этнографические очерки, населяющих его народов, в том числе и об удских тунгусах и охотских ламутах. Описанное им жилище говорит о том, что в состав удской группы, также как в состав нанайцев и ульчей, у которых сохранилось аналогичное жилище, вошли одни и те же аборигены.

Участниками следующей академической экспедиции под руководством Палласа дали два труда, сохранившие ценность до нашего времени. Первый сводный этнографический труд Георги¹³⁾ показал ограниченное распространение тунгусов-оленоводов (Забайкалье, север Якутии и Охотское побережье). Второй труд - Палласа представляет собой сводный словарь.¹⁴⁾ Опубликованные в этом словаре материалы разных говоров позволили Палласу говорить о единстве языка тунгусов.

Сержант Попов¹⁵⁾ в 1794 г. проехавший по Вилюю, Чоне и Нижней Тунгуске, был свидетелем продолжения процесса проникновения потомков скотоводческих верхневитимских тунгусов из рода Чилчагир на Нижнюю Тунгуску и дальше - на запад на Подкаменную. Среди ряда ценных фактов, записанных Поповым, для истории эвенков важно указание на постоянную боевую готовность тунгусов вступить в столкновение с любым обидчиком, а также описание камлания, по своей форме напоминающего круговой танец тунгусов.

XIX в. дал ряд крупных трудов путешественников и исследователей. В начале века известный полиглот Ю.Клапрот подытожил и сравнил весь собранный до него материал, что дало ему возможность говорить об общности языков разных семейств, которую он относил к глубокой древности. Продолжением сравнительного изучения языков занимался М.Кастрен, на местах практически изучивший языки, этнографию и фольклор разных народов Севера. Он пер-

вым ввел в науку урало-алтайскую теорию.¹⁶⁾ Кастрен признавал сравнительное изучение языков только при скрупулезном изучении истории и фольклора. Крупнейший знаток китайского языка и истории Китая Н.Я.Бичурин (Иакинф) издал переводы огромного количества собранных им династийных историй и других источников. На основании сходства языков и исторических данных Бичурин считал, что тунгусы, тюрки и монголы "произошли от одного корня" и "разделение корня на три ветви случилось во времена отдаленные от нас".¹⁷⁾ Но исследование по древнему расселению тунгусов он не успел произвести и предоставил это сделать будущим ориенталистам.¹⁸⁾

Капитальным трудом того времени были "Путешествия на север и восток Сибири" А.Ф.Миддендорфа.¹⁹⁾ Он, как и Миллер, считал тунгусов исконными горнотаежными охотниками Восточной Сибири. Кроме подробнейших сообщений о разных занятиях тунгусов, средствах передвижения, одежде и других предметах быта, Миддендорф записал от тундровых эвенков (к северу от Нижней Тунгуски) значительное количество слов, в фонетическом облике которых ярко выражены элементы языка амурско-зейских эвенков, указывающие на вхождение восточных оленных групп в состав западных пеших эвенков. В 1854 г., с этнографической целью, в нижнюю часть Амура была направлена экспедиция Л.Шренка, оставившая труды, сохранившие ценность и в настоящее время. Шренк первым дал научную классификацию тунгусо-маньчжурских народов и составил этнографическую карту бассейна Амура.²⁰⁾ Второй крупный исследователь народов Приамурья Р.Маак собрал материалы от среднеамурских эвенков (ороченов, манегров и бираров). Сравнение его лингвистических записей, обработанных Шифнером, с современными диалектологическими материалами показало, что группы эвенков, называемые манеграми, по языку составляли один диалект с зейско-амурскими эвенками - ороченами и эвенками - онгкорами, а язык эвенков бираров - один диалект с говорами аянских эвенков Макэ-гиров. В этнографическом же комплексе их были элементы, характерные для монголов и маньчжуров (19). Еще до Амурской экспедиции Маак провел Вилойскую, результатом которой было описание

быта этой группы, этнографические коллекции и лингвистические записи.²¹⁾ Эти материалы показали, что основу этой группы составляли тунгусы, говорившие на шипящем диалекте, а спирантность, по-видимому, была субстратным явлением. Кроме того в костюме их оказались черты, позже ставшие характерными для эвенков Охотского побережья и Камчатки. Все вместе свидетельствует о том, что часть вилуйских тунгусов (судя по эвенским сказаниям) — с ними и группа Нюрумнял, вероятно, при выходе якутов на Лену, ушла на восток к Охотскому морю, где явилась компонентом в образовании современных эвенков. Эти факты являются одним из звеньев передвижения на северо-восток, начатого тунгусами Приангарья (Баяки-Баякшин) позже — предками современных эвенков Баишин с Охотского побережья к верховьям Колымы.

В 1873—1875 гг. важные материалы от верхневилуйских, нижнетунгусских и оленекских тунгусов собрал политический ссыльный поляк — геолог А.Л.Чекановский. Участников его экспедиции был Ф.Миллер. Чекановский показал, что верхневилуйские тунгусы не знали верховой езды, а тем более санной; он дал четкую картину процесса якутизации оленекских тунгусов. Он зафиксировал тысячекилометровые переходы охотников на привычные уголья и тем самым показал места их прежнего обитания. Лингвистические записи Чекановского отразили один из последних этапов образования нового (ербогоченского) спирантного диалекта. В 1859 г. вышла первая итоговая этнографическая монография по тунгусам К.Хикиша. Деля тунгусов на оленеводов и скотоводов, Хикиш не учитывал, что значительная часть "олeneводоB" недавно была пешими охотниками и оленей содержала только для мяса, на случай неудач в охоте, поэтому его общая характеристика всех таежных тунгусов не всегда соответствует действительности.

В конце XIX в. Сибирский отдел Русского Географического общества организовал экспедицию в Якутию с целью выявления причин вымирания и отрицательного влияния витимо-олекминских приисков на тунгусов. Хотя задача и была выполнена, но улучшения в жизни тунгусов это изучение не дало. Участники экспедиции И.И.Майнов, Э.К.Пекарский дали полную экономическо-этнографическую характе-

ристку олекминской и нелькано-аянской групп. По антропологическим материалам Майнова стало ясно, что в формировании тунгусов южной части Якутии участвовали два компонента: южный и северный

Материалы переписи 1897 г., обработанные С.Паткановым, впервые показали границы расселения и характеристику больших групп тунгусов и передвижения частей некоторых из них. Тем самым они подтвердили историческое родство членов одного рода, расселенных на больших расстояниях. С.Патканов выявил различия между кровным и административным родами, пути превращения первых в последние.²²⁾

Из антропологов начала нашего века следует отметить Ю.Д. Талько-Гринцевича, показавшего на антропологических и этнографических материалах, что тунгусы Забайкалья сохранили общетунгусские черты и не смешивали себя с бурятами. Он считал южное Забайкалье и часть Монголии местом формирования тунгусов.²³⁾ В 1910-1912 гг. среди енисейских тунгусов (к западу от Енисея и к северу от Нижней Тунгуски) работал К.М.Рычков, опубликовавший свой материал в ряде статей и в монографическом описании. Описание некоторых обрядов и собранный им фольклорный материал представляют большую ценность, но многие выводы и схемы его основаны на неверных этимологиях и не могут быть приняты. В те же годы в верхней части бассейна Витима и на среднем Приамурье работал этнограф С.широкогоров, опубликовавший у нас и за рубежом ряд больших трудов по социальному строю и духовной культуре, а также по языку и антропологии тунгусов Приамурья-Забайкалья. Собранные им материалы по духовной культуре находят себе аналогии среди северо-западных групп эвенков и подтверждают те процессы, которые были зафиксированы материалами Мессершмидта, Миддендорфа и Чекановского. Его определение племени у забайкальско-амурских эвенков может быть отнесено к объединениям больших семей и частей родов в других районах. "Союзы родов не являются строго установленными и стабилизированными, так как существуют только для осуществления определенных практических целей временного характера... Группа родов пользуется определенным пространством, хотя племени, формально, не существует, так

как объединения не стабилизированы. Территория находится в постоянном пользовании группой родов, подкрепленных брачными отношениями ... но это мешает взаимному проникновению отдельных семей, связанных брачными отношениями".²⁴⁾ Широкогорова прежде всего интересовали проблемы этногенеза, о чем мы скажем ниже.

В целом дореволюционная этнографическая литература по эвенкам хотя и была очень обширной, но в большинстве своем (не считая капитальных трудов Миддендорфа, Маака, Шренка) освещала многие стороны жизни очень обобщенно, чаще отрывочно, а некоторых вообще не касалась. Кроме того, у ряда групп никто не бывал. Тем не менее факты, приведенные в этой литературе, в вопросах истории развития того или иного элемента культуры часто являются ценными промежуточными звеньями. Лингвистические же записи заиграли и получили большое значение после того, как были изучены современные диалекты и говоры эвенков и языки тунгусоязычных народов. Они стали источником для решения ряда этногенетических вопросов. Их значение особо важно для выяснения передвижения групп в течение последних трех веков.

С другой стороны, эта литература показывает прогрессирующий процесс обнищания и разорения эвенков, явившийся результатом тройного гнета: местной администрации, пришлых "промышленных людей", торговцев и их помощников из более зажиточной среды эвенков и шаманов. Усиленное истребление зверя истощило пушные богатства и заставило малолетних эвенков, чтобы не умереть с голода, продавать последнюю рухлядь и оленей, а также забивать их и оседать около русских поселков, прирабатывая на мелких работах. Голодовки, а также эпидемии выкашивали не только целые стойбища, но и районы. Такое положение продолжалось до начала советского периода.

Только Великая Октябрьская революция остановила этот процесс и обеспечила условия для постепенного хозяйственного и культурного подъема. Эвенки под руководством Коммунистической партии и при неусыпной помощи со стороны правительства смогли перейти от первобытного общинного строя к социализму и вместе с другими народами стать строителями коммунизма.

В самые первые годы Советской власти одной из первых задач встала задача изучения их быта, культуры, языка с диалектами и создание этнографических и лингвистических работ как очеркового характера и сводных, так и по специальным темам. Для этой цели центральные и местные учреждения начали направлять к различным группам эвенков/^{экевдици} отдельных лиц. Появилось множество очерков и статей, посвященных вопросам советского, кооперативного и культурного строительства, словари, первые грамматики, описание диалектов, фольклорные тексты с переводами; исследования по проблемам хозяйства и языка, религии и шаманства, этногенезу и работы по антропологии. Новые раскопки в областях, где обитали эвенки, и сходство комплекса археологических культур с этнографическим комплексом тунгусов и общие черты в палеоантропологических и современных типах эвенков позволили расширить и углубить сложнейшую проблему этногенеза.

Наряду с этим следует отметить ряд проблемных исследований по религиозным представлениям и шаманству (И.М.Суслов, А.Ф.Анисимов, М.Сосин), по хозяйству и первобытным производственным отношениям (Н.П.Никульшин, Н.М.Ковязин), по языку (Г.М.Василевич, Е.П.Лебедева, А.В.Горцевская и др.), по фольклору (Г.М.Василевич, Е.П.Лебедева, М.Г.Воскобойников), по социальному строю ХУП в. (Н.Н.Степанов, Б.О.Долгих, С.Николаев), по истории Эвенкийского и Таймырского национальных округов и по истории советского строительства в первые годы (В.И.Увачан, В.Юртаева и др.), по проблеме этногенеза (С.Широкогоров, Г.М.Василевич, М.Г.Левин, А.П.Окладников) и по сравнительной фонетике и грамматике тунгусо-маньчжурских языков (В.И.Цинциус, О.П.Суник, В.А.Авrorин). И, наконец, в последние годы началось изучение песни и танца (А.Айзенштадт, М.Жорницкая).

К началу нашего изучения эвенков (1924 г.) оставались совершенно неизученными группы токминская (верховья Нижней и Подкаменной Тунгусок), подкаменно-тунгусская, непская, ербогоченская (на Нижней Тунгуске), витимо-тунгир-олекминская, верхнеалданская, учурская, урмийско-амгунская, сахалинская, чумиканская. Не было полных этнографических описаний по сымской, чуми-

канской и ряду других групп, живших среди нетунгусоязычных народов. Практика языкового строительства требовала быстреего изучения говоров и диалектов и создания литературы на эвенкийском языке. В перспективе стояла сложнейшая проблема этногенеза тунгусов, поставленная перед нами еще Л.Я.Штернбергом. Для всего этого требовалось собрать колоссальный материал и изучить, как его самого, так и в плане широких сопоставлений. В 1925 г. автор начал поездки по тайге, совершив десять длительных (от 4-11 мес.) командировок в самые отдаленные места их обитания: между Обью и Енисеем, в бассейны Нижней и Подкаменной Тунгусок, в верхние части бассейнов Олекмы, Витима (правые притоки), Алдана, Учюра, Зеи, Буреи, Урми и Амгуни. В результате этих экспедиций и исследований автор составил первый развернутый очерк грамматики (47, 55), очерки диалектов (53), словари: диалектологические (48, 49) и литературного языка (56, 57), издал два тома фольклорных текстов с переводами и комментариями (42, 43), активно участвовал в создании литературы на эвенкийском языке (школьной, в помощь учителю, переводной) и в редактировании оригинальной и переводной литературы, а также опубликовала статьи о переводческой работе (50), об эвенках писателях и переводчиках (16) и их автобиографии (7, 16). Изучая материалы языков тунгусо-маньчжурской группы, автор в 1951 г. поднял вопрос о пересмотре классификации этих языков (54). Изучение материалов показало, что в тунгусо-маньчжурских языках, как и в тюркских, лексический состав, как и фонетика на протяжении последних столетий мало изменились. На основании фольклорного материала им написаны статьи о племенном составе (44), о связях с монголоязычными скотоводами и отражении роли лошади в хозяйстве некоторых групп (45). Этнографии эвенков автор посвятил ряд этнографо-экономических очерков изучаемых им групп томкинской (1, 2, 29), сымской (4, 5), ербогоченской (29), витимо-тунгир-олекминской (3), верхнеалданско-зейской (13, 17), учурско-зейской (17), буреинско-амгунско-урмиской (17, 27). Опубликовал автор и ряд статей с анализом элементов материальной культуры: корытообразная нарта (11), кафтан с нагрудником (12, 22), обувь (31), производственный костюм как

исторический источник (40), колыбель (25), жилище угдан (27); анализ коллекции, привезенной от чирингдинских эвенков илимпийской группы (18). Автор также ввел в литературу материалы по духовной культуре эвенков: по представлениям (географическим - 32, космогоническим и представления об окружающей действительности - 24), по охотничьим и оленеводческим представлениям и обрядам (20, 58); некоторые материалы по шаманству: становление шамана, шаманские песнопения (33, 41), истоки песни, игр, сказаний и камланий, по данным терминологии (26); детские игры в шаманов (59). В статьях автор выделяет дошаманские и шаманский периоды. Кроме того, автор дал обобщающие статьи по тунгусам (19, 38) и монографию "Эвенки в начале XIX и в начале XX вв." (39). Работая над проблемой оленеводства (28, 60), автор выявил два типа оленеводства у тунгусов, первичность расселения пеших охотников и вторичность - оленных (35). В монографии "Материалы языка, этнографии и фольклора к проблеме этногенеза тунгусов (эвенков)" (9) автор показал, что большинство элементов тунгусской культуры сохранилось у всех народов тунгусо-маньчжурской группы. Они то, как и язык, являются доказательством родства и основанием для объединения этих народов в одну языковую группу. Отдельные главы этого исследования и их части опубликованы (8, 9, 10, 14, 15, 52, 36, 37, 34, 23, 59, 30, 51, 41). Во всех указанных статьях широко использованы данные языка, привлечен археологический и антропологический материалы.

В настоящем докладе освещены результаты исследований по проблеме этногенеза тунгусов по данным языков - начальные этапы становления прототунгусского языка и первые этапы его развития. По данным этнографии - образование тунгусского этнографического комплекса. Попутно отмечены разные направления последующих этнических процессов. В связи с важностью оленеводства для истории эвенков и эвенов и их расселения по тайге, проблема тунгусского оленеводства выделена в особый отдел.

2. Проблема этногенеза тунгусов

В проблеме этногенеза таких бесписьменных народов как тунгусы вообще (и эвенков, в частности) первое место принадлежит лингвистическим и этнографическим источникам, затем уже фольклорным. В выводах должны быть учтены исторические, археологические и антропологические данные.

Вопросы определения места тунгусского языка и его отношения к другим языкам были выдвинуты еще в XVIII в. (Татищев). Но первые попытки сделать это были слишком общими. Собранные позже списки слов из разных эвенкийских говоров в словаре Палласа показали, во-первых, общность тунгусских диалектов, во-вторых, родство тунгусского (современного эвенкийского и эвенского) с маньчжурским, что позже позволило говорить об общности их происхождения (Спасский - 1822, Степанов - 1885 и др.). Дальнейшее сравнительное изучение языков вскрыло близость их к тюркским и монгольским (Клапрот). Шотт и Кастрен пошли дальше, найдя общее в финно-угорских и алтайских языках. Окончательное решение проблемы общности урало-алтайских языков не найдено еще и сейчас. Как в России и СССР, так и за рубежом, имеется много исследований по отдельным темам этой проблемы. Одни (Кастрен, Бётлинг, Винклер, Доннер, Гомбоц, Менгес и др.) считали родство урало-алтайских языков генетическим, другие (Рясянен, Баскаков) только типологическим, третьи (Синор, Клоусен) - результатом контактов. Коллиндер считает преждевременным как полное отвержение гипотезы, так и выводы по этой проблеме. Также расходятся мнения и по алтайской теории. Большинство (Рамstedт, Рясянен, Владимирцев, Коллиндер, Поппе, Баскаков) признают генетическое родство, Котвич, признавая родство, не считает его единственным объяснением общности. Другие (Синор, Клоусен) относят эти общности к заимствованиям. Л.Лигети и И.Бенцинг, допуская генетическое родство, указывают на недостаточность доказательств.

В половине XIX в. Л.Шренк на основании лингвистических и этнографических материалов, собранных им от тунгусоязычных народов нижнего Приамурья, выявив взаимоотношения тунгусо-маньчжур-

ских языков, дал их первую научную классификацию.²⁵⁾

Классификацию языков уточнили В.Котвич и П.Шмидт. С незначительными поправками она просуществовала до тридцатых годов н.в. Материал по языкам тунгусоязычных народов, накопленный в советское время, заставил пересмотреть взаимоотношение языков в пределах группы. Оказалось, что нижнеамурские языки (нанайский, ульчский, ороцкий, удэгейский и орокский), которые по принятой классификации относили к маньчжурской подгруппе, по лексике и грамматике стоят ближе к эвенкийскому и эвенскому, чем к маньчжурскому.²⁶⁾ Мнения всех тунгусоведов сходятся на том, что маньчжурский язык с его сибирским диалектом и чжурчженским составляют особое ответвление, противостоящее всем остальным.²⁷⁾

Одновременно с определением языкового родства вставляли вопросы о месте происхождения тунгусов. Наиболее раннее высказывание мы имеем у Миллера. "... я считаю, - писал он, - тунгусов первыми обитателями тех стран, которые они занимают поныне ... даурские и маньчжурские народы ... когда-то были одним народом с тунгусами". Миллер высказал мысль, что окончательное расселение завершилось после победоносного завоевания племенем Тата Китая, "надо думать, что переселение (из сибирских диких мест) было предпринято не всеми сразу, что отдельные роды и семьи мало-по-малу избирали себе новый образ жизни".²⁸⁾

Выявленное сходство тунгусского языка с маньчжурским дало повод выводить тунгусов Сибири из Маньчжурии. Подкреплением этой точки зрения послужили китайские источники, переведенные и изданные Бичуриным. Он показал, что Китай с давних пор считал население с бассейна Амура тунгусами, хотя они и фигурировали в истории под разными названиями (сушень - УШ-П вв. до н.э., илоу - П-Ш вв., шивей - У-УШ вв., мохэ - УП-IX вв., чжурчжи - XII в.)²⁹⁾ Дегинь, составивший в половине XVIII в. историю народов Центральной Азии, считал группу больших шигоев тунгусами "сегодняшнего дня".³⁰⁾ Эту точку зрения разделяли ученые в XIX в. (Хикиш и др.) и еще в начале XX в. (Гребенщиков, Грум-Гржимайло, Лопатин, Шимкевич и др.). Через сто лет после Миллера, Миддендорф, проехавший с северо-запада на юго-восток почти всю территорию си-

бирских тунгусов (эвенков), пришел к тому же выводу: "из теперешних северных сибиряков я готов признать первоначальными обитателями тунгусов, типичный распространенный по всем возвышенностям Сибири горный народ, который ... везде, как на севере, так и на юге, удерживает свои горные места пребывания при таких условиях, каким остальные народы не в состоянии подчиниться".³¹⁾ На основе материалов, собранных от забайкальских групп, антрополог Талько-Грынцевич пришел к выводу о родине тунгусов в Монголии и в южном Забайкалье (1903-1905). Близка к этому и точка зрения П.П.Шмидта, собравшего и опубликовавшего материал по языкам негидальцев, орочей и нанайцев-самагиров. Привлекая данные корейского и китайского языков, он увидел, что "древних китайских заимствований в маньчжурском языке очень немного (несколько десятков) и все они относятся приблизительно ко второй половине первого тысячелетия н.э. Корейских элементов в маньчжурском языке поразительно мало и все они принадлежат к позднейшим культурным словам. Отсюда следует, что в начале первого тысячелетия маньчжуры еще не жили по соседству с корейцами. Непосредственные сношения с корейцами начались гораздо позже ... Более вероятно, что под давлением диких орд с севера и запада бохайцы удалились на юг."³²⁾ Как и Талько-Грынцевич, П.П.Шмидт писал: "Родину тюркско-монгольско-тунгусского пранарода я ищу приблизительно к югу от Алтая, а маньчжуро-тунгусские племена занимали, вероятно, бассейн Селенги", где много топонимики тунгусского происхождения. Отсюда одни группы ушли на север, другие на восток" (там же).

Следует отметить, что разнообразные факты, собранные нами, подтверждают эту мысль. Шренк, хорошо изучивший народы нижнего Приамурья, естественно, пришел к выводу, о родине тунгусов в бассейне Амура: "оттуда они расселились во все стороны".³³⁾

В XX в. гипотетическую схему этногенеза и передвижений тунгусов представил Широкогоров. В его распоряжении были полевые материалы от витимско-нерчинских и среднеамурских групп и от маньчжуров. Свою гипотезу он назвал "временной, допускающей изменения и основанной на общих тенденциях племенных движений".³²⁾

Но уже в следующих своих работах он пользовался ею, как установленным фактом. Он относил происхождение тунгусов к району между Хуанхэ и Янцзы. По этой схеме передвижения тунгусов происходили в течение 4-5 тысячелетий до н.э. вначале с юга и по всей Сибири, а начиная с ХУП в., с Лены в Приамурье. Приведенные им основания не только не достаточны, но и не научны, о чем говорит развернутая критика (А.П.Окладникова,³⁵ М.Г.Левина,³⁶ К.Етмара³⁷), с которой мы полностью соглашаемся. Гипотезу Широкого-рова использовал польский лингвист Милевский. В своем труде о языковых системах и их развитии он пишет, что группа алтайских племен, отделившись от основы, передвинулась на северо-восток, смешалась с аборигенами и положила начало тунгусскому этносу. Часть их ушла в нижнее Приамурье и на Лену, где скрестилась с другими аборигенами. Это происходило в первом тысячелетии до н.э.³⁸)

Изучивший в 30-х годах китайские исторические документы Лин Чун Шен пришел к тому же выводу, что и Талько-Грынцевич и Шмидт: тунгусы - татань пришли в Маньчжурию из районов Прибайкалья через северную Монголию. В Цинское и Ханское (первые века н.э.) время тунгусы уже были в Маньчжурии.³⁹)

Данные по эвенкийскому языку в то время были не достаточными, не все группы эвенков были изучены этнографически, антропологические материалы относились только к двум группам (якутской и забайкальской), а археологическое изучение тайги было еще не начато.

В советское время развернулись археологические и антропологические изучение районов и народов Сибири, были широко поставлены сборы лингвистического, этнографического и фольклорного материалов. Палеоантропологические находки и сходство современных антропологических типов северо-байкальских эвенков с байкальским неолитическим поставили проблему происхождения современных тунгусоязычных народов, которую археологи и антропологи пробовали решать также на недостаточном материале. Антропологический материал по тунгусам на 1958 г. был, по оценке М.Г.Левина неоднороден, и собран разными методами. Он был получен в ту-

руханской тундре (Юзефович), к западу от Енисея (Дебеч), в северном Прибайкалье (Левин), на Олекме и в истоках Амги (Майцов), на Подкаменной Тунгуске (Дебеч). Археологические материалы к этому времени были собраны со всей Ангары, с Лены с заходом на Вилку и с Селенги. Поэтому вполне понятны и смены высказываний, вызванные новыми данными. Так, А.П.Окладников, подытоживая работу по Приангарью-Прибайкалью, в 1950 г. писал: "тунгусские племена так или иначе являются прямыми потомками и наследниками культуры не только самих "глазковцев", но и их более отдаленных предшественников - вплоть до позднего палеолита... предки тунгусов и родственных им лесных племен Прибайкалья, следовательно, являются первоначальниками этой страны".⁴⁰⁾ После находки шилкинского черепа, обнаружившего поразительную близость к черепам современных эвенков, А.П.Окладников пересмотрел свою гипотезу и в 1955 г. писал: "Материальная культура глазковских племен по керамике и каменным орудиям во многом близка культуре обитателей верховьев Амура и северной Маньчжурии вплоть до Китайской стены и Ордоса", поэтому "древнюю родину байкальских эвенков следует искать не столько в Прибайкалье, сколько к востоку от него, вплоть до верховьев Амура".⁴¹⁾ Он объясняет передвижения тунгусов в железном веке как исторически - "агрессией степняков", так и гипотетически - "возникновением оленеводства". "С движением оленеводческих племен следует связывать появление в байкальской тайге предков современных эвенков, смешавшихся с аборигенным населением Прибайкалья".⁴²⁾

В 1959 г. А.П.Окладников, проведя раскопки в нижнем Приамурье и в районе оз.Ханко, в новой работе "Далекое прошлое Приморья", уже не высказываясь прямо, обращает внимание читателя на предположения "многих ученых" о том, что родина тунгусо-маньчжурских народов находилась в районе современного Дунбея или в районе верхнего и среднего течения Амура.⁴³⁾ Возвращению А.П.Окладникова к точке зрения В.Г.Богораза о расселении тунгусов по Сибири на олене способствовала гипотеза М.Г.Левина, основанная на классификации населения Сибири по хозяйственно-культурным типам, по которой тунгусы относились к таежным оленеводам. Хотя М.Г.Левин и сделал очень осторожные выводы по

8411874

ДУВТСКАЯ
Республиканский
Библиотека

антропологическим материалам, часто отмечая их недостаточность,⁴⁴⁾ но, исходя из указанной схемы классификации, он рассматривает тунгусов как оленеводов и пишет: "оленеводство открыло перед ними широкие возможности освоения сибирской тайги. Распространяясь и ассимилируя дотунгусское население этих территорий, тунгусоязычные племена восприняли многие черты хозяйства и культуры аборигенов ... сами растворились в массе аборигенного населения" (там же, стр.150). При этом он не учитывал, во-первых, самоназвания "эвэнки", широко распространенного среди пеших, оленных и конных охотников, а также у скотоводов, известных под названием солонь и онгкору, во-вторых, многочисленность групп скотоводов и, в-третьих, особую роль эвенков в формировании тунгусоязычных народов Нижнего Приамурья. В 1960 г. в докладе на VI международном Конгрессе антропологов и этнологов Левин говорил: "Происхождение тунгусских народов Сибири следует рассматривать как процесс языковой ассимиляции дотунгусского населения, не сопровождающийся расселением значительных масс людей".⁴⁵⁾

Позже из неисследованных районов был собран новый антропологический материал, а также большой археологический, которые значительно уточнили приведенные здесь гипотезы. Так, антропологические данные с Подкаменной Тунгуски дали второй, характерный для неолита и современности катангский тип (Дебеч). А материалы из района Нижней Тунгуски (верхняя половина бассейна) и с верховьев Вилюя (Рычков, 1959), из северного Прибайкалья и с левых притоков Витима и с оз.Баунт (Золотарева, 1957), с верховьев Олекмы, Алдана, Зеи (Рычков, 1961) - показали преобладание катангского типа у эвенков к западу от Лены, наличие этого и байкальского типов у эвенков северного Прибайкалья и Баунтовского района Бурятской АССР. При преобладании катангского типа наличие центральноазиатских черт - у эвенков южной Якутии и смежных районов Амурской области.⁴⁶⁾ Катангский и байкальский типы характерны для неолитических черепов с Вилюя, Шилки и с Лены. Байкальский тип характерен для эвенков северного Прибайкалья и охотского побережья и для эвенков. Черты последнего имеются у

негидальцев и ороков; меньше - у ульчей, нанайцев, орочей и удэгейцев (Левин). Таким образом, прослеживается антропологическая общность между современными эвенками и другими тунгусоязычными народами нижнего Приамурья (исключая маньчжуров), а также между современными тунгусами (эвенками, эвенами) и неолитическим населением восточносибирской тайги.

Позднейшие археологические разведки и раскопки на Подкаменной Тунгуске (между Байкитом и Комо), на Вилуе-Чоне и Нижней Тунгуске (район Туры и Ербогочена), по Алдану и в Забайкалье (озеро Иргень), во-первых, показали заселенность одних и тех же мест в палеолите и неолите, во-вторых, дали сходный с аналогичным материалом разных этапов ангарского неолита, что говорит о расселении в неолите и энеолите близких по культуре племен. Это позволило археологам (в частности, М^ВМолчанову) высказать следующую мысль: "в мезолите в Сибири и на Дальнем Востоке существовала одна культура (в вариантах). На западе она доходила до Енисея, на востоке - до Охотского моря, на юге - до Гоби и Хуанхэ. Она была базой для ранне-неолитических культур. А в неолите происходил процесс сложения современных народов Сибири и Дальнего Востока.⁴⁷⁾

В отношении тунгусов эта мысль может найти подтверждение в материалах языка, фольклора и этнографии.

Большая близость всех языков тунгусо-маньчжурской группы к эвенкийскому, чем к маньчжурскому, выявленная в советское время и приведшая к пересмотру принятой классификации, значительно углубила проблему этногенеза эвенков, переводя ее в проблему этногенеза пратунгусов. Без, хотя бы приближенного, решения последней не может быть решена проблема этногенеза эвенков. Кроме того, мы считаем, что при исследовании вопроса становления эвенков необходимо рассматривать этнос с общим самоназванием и с единым языком как один народ, независимо от различия хозяйственных укладов, получившихся благодаря широкому расселению его групп в разных географических условиях. Этим отличаются наши исследования от исследований М.Г.Левина, который учитывал только оленных эвенков, основываясь, главным образом, на схеме куль-

турных типов и историко-хозяйственных областей Сибири.

В упомянутом выше исследовании по проблеме этногенеза тунгусов мы поставили своей задачей рассмотреть, что дают эти материалы для решения указанной проблемы. Оно состоит из трех частей: первая "Материалы языка". В ней использован очень большой диалектологический и фольклорный материал, частично опубликованный (30, 41, 42, 43, 44, 51). Изучив его, как с точки зрения сравнительно-диалектологической, так и сравнительно с данными родственных языков, мы выделили общие слова и грамматические явления в пласты (айтайский, тунгусо-маньчжурский и тунгусский (9)). Сравнительно-диалектологическое изучение дало возможность наметить схему передвижения эвенков и частично осветить формирование эвенов. Дополнительно к этому были выбраны, из всей литературы, и собраны на местах, названия родов и их распространения в ХУП-ХХ вв., проанализированы самоназвания и названия отдельных групп (34, 36, 8, 39) и изучена топонимика на территории расселения тунгусов, а также пути распространения топонимов как тунгусского, так и нетунгусского происхождения (23). Выводы по этим данным, в основном, совпали с выводами по данным языка. Во второй части "Материалы фольклора", кроме прямых данных, имеющих отношение к истории эвенков, сравнительное изучение сюжетов и тем разных жанров фольклора подкрепило выводы, полученные по материалам языка. В третьей части - "Материалы этнографии" - путем широких сравнений некоторых элементов культуры выяснен тунгусский этнографический комплекс, который, как и основа языка, на протяжении веков, отличал тунгусоязычных народов от всех соседних народов. Изучив варианты каждого элемента в пределах его распространения как у тунгусов, так и у соседних народов, автор определил их типы и варианты. Таким образом, наметились пути развития этого комплекса. Привлечение антропологических данных позволяет ориентировочно наметить время его сложения.

Все материалы показывают, что на самых ранних этапах становления этноса, развитие языка происходит параллельно с развитием культуры (этнографического комплекса).

Самоназвание эвэн - эвэнки имели все бродячие охотники: "лодошные", "сидячие", по терминологии ХУ в.; бирары, манегры, в ХУШ в. ставшие конными охотниками, группы конных охотников баргузинских и забайкальских тунгусов, скотоводы-онгкору и скотоводы-солоны. Эту общность самоназвания у групп с различным хозяйством, но с общим языком нельзя объяснить ни заимствованием, ни переселением, подобно тому, как было на территории Маньчжурии с названиями шивеи, кидани, уранкай и др., которые распространялись на разноязычные племена, хотя и близкие по культуре. Носители самоназвания эвэн-эвэнки расселились на очень большие расстояния друг от друга еще с глубокой древности и сумели сохранить как много общего в языке, так и все элементы тунгусского этнографического комплекса. Этноним эвэн - древний и вопрос его этимологии и происхождения ждет специального исследования. На большую древность происхождения тунгусов и эвенков, в частности, указывают, как нам представляется, также отсутствие каких-либо легенд о происхождении данного народа и об общем предке и преданий, о происхождении наиболее древних родов.

В литературе XIX в. эвенкам противопоставались орочны, составлявшие сравнительно небольшую часть всех тунгусов. Название ороchon имеет более позднее происхождение и может быть объяснено (34). Одна из групп амурских конных тунгусов, осваивавшая район местности Оро в средней Приамурье, называлась орочен, букв. житель местности Оро (Суф-чен в значении места обитания - в чжурчженском языке в XI в.). Вполне возможно, что часть их и была уваянами У I в., когда появилось первое сообщение об оленнем транспорте. Приручение же оленя произошло значительно раньше. Став оленными орочен (жители Оро), вслед за стадом передвигались по отрогам Хингана, Яблонового и Станового хребтов на восток и северо-восток, где орочол сохранилось до сих пор, как самоназвание группы эвенков. По аналогии с ороч - "оленный" - название орочен среди эвенков, вдали от местности Оро, приняло значение "оленный". Следует заметить, что в бассейне Баргузина кочевали конные охотники мурчен (слово, образованное при помощи

монгольского суффикса -чен, обозначающего "деятель") и оленеводы. И здесь по аналогии с мурчен оленеводы получили название орочен, которое не имеет ничего общего с амурским орочен. Одна из ближайших задач - выяснить, не является ли название орочон-ороч среди эвенов древним обозначением по месту жительства. Фольклор эвенов (Новикова, Ткачик) рисует их (олeneводо^в) как богатых, много знающих и надменных людей, которые не очень охотно вступают в брачные связи с эвенками (пешими). Группы оленеводов в отрогах Станового хребта перенесли это название на Сахалин и в Сихота-Алин. Все другие данные свидетельствуют о том, что эти орочены стали компонентом в образовании ороков и орочей, передав им свое название, которое в разговорном языке бытует до сих пор. Группы скотоводов и конных охотников орочен, оставшиеся в Приамурье и не ставшие оленными, до сих пор считают слово орочен своим самоназванием и отказались от официального эвенки, принятого всеми остальными группами тунгусов Китая.

Сравнительное изучение говоров и диалектов как в пределах эвенкийского языка, так и сравнительно с аналогичными фактами других языков тунгусо-маньчжурской группы и шире - языков алтайской семьи и палеоазиатских показали следующее:

1. Эвенкийский язык по ряду черт может считаться основным и наиболее древним в своей группе, поэтому для исследования его необходимо иметь ответы на вопросы происхождения прототунгусского языка (52).

2. В этом языке пока невозможно выделить субстрат, о котором говорят топонимы на -м (однослоги и двуслоги), распространенные по всей лесной зоне Евразии. Не менее широко распространены топонимы на -нга (-на), -ра (~ =р), хотя на тунгусской территории большинство их объясняются из эвенкийского языка. Нет ничего общего между тунгусским и кетским языками. Крайне незначительно количество общих случаев в языках эвенков и юкагиров (не считая поздних эвенско-юкагирских связей). Некоторое количество слов и грамматических элементов, дополненных этнографическими фактами, а также топонимикой, объясняются из чукотско-корякских языков (15).

Все вместе взятое позволяет считать современный эвенкийский язык потомком тунгусского протоязыка.

3. Родство и длительные связи с монгольскими и тюркскими языками. Часть этих контактов относится к периоду становления прототунгусского языка (тунгусо-маньчжурский и тунгусский слои); часть - к контактам диалектов эвенкийского языка - с тюркским в Прибайкалье, с тюркским и монгольским - в Забайкалье-Приамурье, и последнее - контакты эвенкийских диалектов с якутским и бурятским языками (9, 54).

Систематизированный общий для эвенкийского и других языков материал располагается исторически по пластам: алтайский, тунгусо-маньчжурский, тунгусский (9). В первом выделяются алтайский слой - слова и грамматические элементы, образовавшиеся в период алтайской языковой общности; остальные слои отражают контакты алтайского праязыка с другими (угро-финскими и индо-европейскими). Алтайский пласт соответствует алтайской эпохе, намеченной Владимирцевым-Баскаковым, в конце которой (III в. до н.э.) начался распад на тунгусские, с одной стороны, и тюрко-монгольские - с другой, языки.

Небольшое количество лексики алтайского пласта позволяет говорить, что человек алтайской эпохи жил в открытых степных пространствах, с озерами и занимался охотой. Он имел собак и был вооружен копьем, топором. Слова туру, бакса-багана, сэраң говорят о том, что жилищем им служил наземный шалаш и свайная постройка. Общие слова для понятий "мать" и "дядя" (старший брат матери), а также суффикс -гин, образующий название родов и имеющий значение "женщина" (сохранилось в эвенкийском) свидетельствует о материнском роде. Вполне возможно, что такие широко распространенные родо-племенные названия, как: Бая, Эджен, Саман, Манги своим происхождением восходят к этому периоду.

Для алтаистов (Прицак, Поппе и др.) бесспорным является алтайское происхождение суффиксов -rʉr, -rʉl, -rʉt (-с -з, -т -д), в своем развитии ставших образователями родо-племенных названий. Материалы показали, что из морфологии к алтайской языковой общности восходят следующие элементы: во-первых, происхождение сло-

вообразователя аориста (-ри // -ди, -ра // -да, -ар), развившегося в дальнейшей истории в показатель настоящего-прошедшего времени и в так называемое причастие; во-вторых, первичные формы собирательности (суфф. -н, -л, -р, -с, -т, -з, -д), развившиеся в дальнейшем в суффиксы множественного числа. К этому пришли также Котвич, Рамстедт, Бенцинг, Поппе, Менгес, Прицак, Суник, Цинциус. Сюда же следует отнести первичный показатель повелительности суфф. -гин. Следом древних контактов алтайского и уральского праязыков является глагол отрицания э- (также Рамстедт и др.); оформитель переходности и возвратности -в(у) (также Рамстедт, Рясенен, Равила), связанный с одним из первых падежных суффиксов -ва, позже в тунгусо-маньчжурских языках ставшим оформителем винительного падежа (также: Аврорин). К этому же времени относится происхождение образователя значений состояния и действия -м(V) и суффиксов Локатива -ла, Аллатива -си, -ки, -ски // -кси.

К связям праалтайского языка с праиндо-европейскими языками, а может быть, к общему субстрату в урало-алтайских и индо-европейских языках, относятся: местоименные элементы первого (м₁н // о₁н) и непервого (о₁н // т₁н) лица безотносительно к числу (также: Кастрен, Котвич, Тромбетти, Коппельман и др.). Общую тенденцию развития этих элементов в аффиксы лица и личные местоимения признавали еще в XIX в. (Раск и Бопп, позже Марр, Уленбек и др.). Общность их в урало-алтайских языках стала одной из основ урало-алтайской теории Кастрена. Сложение этих двух элементов (я + не я) в большинстве алтайских языков в дальнейшем развитии дало древнейшую форму местоимения I-го лица двойственного, позже множественного числа. Слова субстрата дон // дун и ки с первичными значениями "земля - природа" (т.е. земля и вода) в своей истории во всех языках получили самое широкое развитие в словоизменении и словообразовании с преобладанием локативно-временного значения (локативные суффиксы, словообразователи прилагательных и наречий). Следует отметить, что наиболее широкое применение в словообразовании элемент -к(и) получил в эвенкийском языке (68 случаев).

Как следует из сравнительно-исторического изучения фольклора, к субстрату относится происхождение распространенного у народов северного полушария, в том числе и у тунгусов, мифа о происхождении земли среди водного пространства и роли птиц в этом мифе, вероятно, отразившего послеледниковый период; дуализм в мифе о творчестве человека и животных, отразивший дуальную организацию общества (С.П.Толстов; 24); основа охотничьего магического обряда преследования воображаемого оленя, убийства его и приобщения к мясу (20). Материал для создания человека в мифе о творении человека отразил технологию камня и глины (24). К этому периоду, по-видимому, придется отнести зарождение ряда поэтических традиций. Поэтические традиции, общие для эпоса тюрко- и монголоязычных народов, выявленные В.М.Жирмунским, находят аналогии в эпических сказаниях тунгусоязычных народов. К ним относятся: 1) цикличность; 2) общее содержание (подвиги героя в юности, походы героя в поисках невесты, преодоление природных препятствий и победы в борьбе с встречаемыми врагами); 3) целый ряд общих мотивов и традиций; 4) общая форма передачи и стихотворный текст (42, 43).

Тунгусо-маньчжурский пласт объединяет все общее для языков группы и отражает начало становления тунгусского протоязыка. Н.А.Баскаков, признавая генетическое родство языков алтайской семьи, устанавливает шесть эпох их развития: первая - алтайская эпоха, в которой, по определению Б.Л.Владимирцева, "монгольский язык вместе с тюркским имел одного общего предка, который условно можно назвать алтайским языком". В эту эпоху, считает Н.А.Баскаков, "начался распад алтайской общности на тунгусо-маньчжурский и тюрко-монгольский языки. Вторая эпоха - хуннская с III в. до н.э. до IV в., в которой завершилась полная дифференциация тюрко-монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, с одной стороны, а также тюркских и монгольских языков, с другой стороны. В эту же эпоху произошло разделение тюркских языков на две ветви".⁴⁹⁾ Н.Н.Поппе (1965) высказал другое предположение: из алтайской общности вначале выделились тюркские и монголо-тунгусские языки, а позже произошло разделение последних. Нам

представляется, что выделение тунгусского протоязыка из алтайской языковой общности произошло на первом этапе, а в течение всего периода, когда происходило отделение тюркского праязыка от прамонгольского, шел процесс развития пратунгусского и к тому времени (хуннский период), когда тюркский и монгольский праязыки разделились, тунгусский язык должен был достичь определенного развития. Материалы тунгусо-маньчжурского пласта свидетельствуют об относительной развитости этого протоязыка. Первые тунгусы вышли из Забайкалья на Амур в первых веках н.э. (Лин Чун Шен), это совпадает с хуннской эпохой Баскакова. Предположение Поппе основано главным образом на большой близости маньчжурского с монгольским. Материалы же тунгусского - эвенкийского языка говорят скорее о связях с монгольскими языками, которые имели место после выделения монгольского из алтайской языковой общности и продолжались во все последующие этапы уже с диалектами эвенкийского языка.

Выделение тунгусского протоязыка из массы алтайских прадиалектов характеризовалось появлением слов с начальным заднеязычным н-, не характерным для тюрко-монгольских языков.

Лексика тунгусо-маньчжурского пласта свидетельствует о начале формирования тунгусского этнографического комплекса, характерного для пеших охотников и отличавшего их на протяжении всех веков от всех других этносов. Эта лексика говорит о том, что становящиеся тунгусоязычными группы охотников освоили горную гольцовую местность (водораздельные хребты, скалы, склоны) с долинами, покрытыми сосняками, ольшаниками и березниками. Охота в гольцах производилась на мелких парнокопытных (также 22), в долинах - на птицу и пушного зверя. Охотились пешком с понягой и на лыжах. К терминологии наземного жилища добавился термин для покровов, сделанных из шкур. Общие для тунгусских языков термины дїскї "вверх по склону", нїскї "вниз по склону, к реке" сохранили древние значения "дальше от огня-очага" (дїскї) и ближе к огню-очагу (нїскї), слова эвурбқал "опустись по склону", и "выйди из жилища" и нїткэл "наклонись" и "загляни в жилище" напоминают о том, что прототунгусы использовали

под жильё углубления и пещеры на спусках к реке. В таком жилище "пол" подымался от входа вглубь, а очаг разводился ближе к выходу, т.е. ниже по склону. Возможно, на зиму они сами сооружали полуземлянки: ямы с конусообразными крышами над ними. Посреди такой ямы был очаг (9, 54). Это подтверждается преданиями (43), в которых герой выскакивает через дымовое отверстие. К этому времени относится и появление тунгусской колыбели эвенкийского типа, характерного для пешей охотничьей культуры (2I, 25) и представления о сэвэн'ах - духах-помощниках шамана (3, 9). Следовательно, начало шаманства и камланий с колотушкой и бубном, такие общие слова, как сагдагу (старейшина), мугдI (предок шамана) и гэрби (имя) - позволяют говорить об отцовской родовой организации и роли родового имени. Общие слова, обозначающие битву, поражение и победу, свидетельствуют о военных столкновениях.

Связи с монголо- и тюркоязычными соседями продолжались. От монголов тунгусы на этом этапе познакомились с лошадью и перековкой металлических предметов, попадавших к ним с юга, о чем говорят такие слова, как "закалять (металл), расплющивать-ковать, кузнечный мех, угли". Возможно, слово сэлэ (железо в современных тунгусо-маньчжурских языках) первоначально обозначало бронзу, поскольку имеется общее слово для меди (чирин-сирин). Через тюрк тунгусы познакомились с хлебом (первоначально в виде зерна, которое они обжаривали на камнях) и с вином араки. На севере, очевидно, были связи с предками северо-восточных палеоазиатов, от которых в тунгусский праязык вошли такие слова, как гилли - холод, блеск льда (снега); яя - камлать (яян шаман - эвенк.), яяр бубен - чукотск.; оли-уоли ворон - тунгусск., ватды - чукотск., корякск. и ряд других. Специальное исследование по проблеме тунгусо-палеоазиатских связей имеет большую перспективу.

Из грамматики к этому пласту относятся общие с монгольскими словообразователи: суфф. обладания (-чи//-ши, -ту); суфф. имен орудия действия (-вүн//-гур); предмета действия (-ь ки//-нхай); предмета что-либо окружающего (-пт(н//-бчи); совместные дейст-

вия (-лрї//-лрч). К этому же периоду относится происхождение аллатива (-гит//-гити), образовавшегося из суффиксов имен пространства (-гин) и древнего локативного (позже - инструменталиса) падежа (-т//-ти). Имена действия и состояния на -м(V) превратились в инфинитив, которое позже, в тунгусских языках, стало неопределенным деепричастием.

Тунгусский пласт объединяет общие лексику и грамматику для всех языков группы, за исключением маньчжурского. Последний начал формироваться после отхода первых групп пратунгусов, давших тунгусоязычную основу языку чжурчженей. В период, в котором образовался этот пласт, был длительным, поскольку в это время к тому, что было исследовано, добавилось относительно большое количество лексики и значительно развилась грамматика.

Лексика этого пласта (9, 52, 54) говорит об отходе тунгусов из гольцевой зоны в более северные горные места со склонами, покрытыми лиственницей и елью, с горными тундрами. В охоте появились такие объекты, как олень, лось, рысь, выдра, бурундук. Элементы культуры, появившиеся на предыдущем этапе, развивались. Так, для лыж появилось второе слово (кинне), принявшее значение лыж-голиц, а слово суксила, появившееся раньше, стало обозначать лыжи с подволокой; кроме того, появились названия частей лыж. Слово толгоки (охотничья нарта и ляпка) свидетельствует о том, что охотники начали подпрягать к нарте собаку и уходить на охоту на дальние расстояния. Ряд слов говорит о появлении рыболовства. К наземному чуму добавилось свайное жилище, которое, по преданиям и сказаниям, охотник строил для семьи на время своего ухода на охоту. Конструкция колыбели (эмкэ) была усовершенствована. Названия частей костюма говорят о появлении нагрудника, натазников, ноговиц, унтов и головного убора в виде шкурки с головы оленя. В связи с расселением по тайге и началом охоты на лося появилось представление о созвездии Большая медведица, как о лосе и охотнике Хэглуна и обозначение Млечного пути "Лыжный след Хэглуна".⁵⁰⁾ К этому периоду относится и начало культа медведя.

Вероятно, к концу этого периода относится приручение оленя.

А также происхождение этнонимов Монго + (-л^т-т), Канга + (-гир) Хангай, Дол + (-ган) ~ Дул + (-га), Дон + (-гон) ~ Дон + (-гой) Дун + (-га); Улэ + (-гир), Тума + (-т). Эти названия попали к группам тунгусов Забайкалья-Приамурья, из которых вышли первые оленеводы. Они и разнесли их по тайге как названия родов. Термины для невесток - жен старшего и младшего братьев и тестя, говорят о начале регулирования отношений брата и отца мужа, с одной стороны, и невесток - с другой, о начале института левирата.

И в этом периоде продолжались контакты с тюрко- и монголоязычным населением. Слова для ткани (торга) и золота (алтан) указывают, что эти предметы попали к тунгусам через монголов. В грамматике продолжалось дальнейшее развитие словообразования. Особенно много суффиксов появилось из сложения древнего -к(и) с другими.

К связям пратунгусов с северными соседями - сибирскими предками чукчей и коряков относятся такие слова, как мата, во всех языках обозначающие "свойственник", а в тунгусских кроме того "чужой", "гость, богатырь" (в сказаниях) и второе - самоназвание (у витимо-олекминских). В сказаниях, отразивших расселение тунгусов из Забайкалья (43), мата имеет значение самоназвания. Чанит (эвенк.) - таньта (чук.) - древний этноним - название какой-то древней группы, с которой в этот период были связаны как тунгусы, так и палеоазиаты; ряд слов общего происхождения, а также образование числительных второго десятка со словом "лишний", элемент -ки в локативных падежах и др. Вероятно, под влиянием палеоазиатов, у которых культурутрегер-ворон играл большую роль, у тунгусов ворон получил определенную роль в медвежьем обряде. Все участники обряда, чтобы обмануть убиваемого "родственника" - медведя, принимали образ чужеродцев-воронов бли-уоли. У эвенков к северу от Нижней Тунгуски в мифе о создании человека, ворон заменил собаку - помощника творца земли и человека. Результатом связей с палеоазиатами был и ряд одинаковых элементов материальной культуры у тех и других, о чем мы скажем ниже.

Сибилантность - свистящее произношение, характерное для найского, ульчского, ороцкого и маньчжурского, а также для байкальско-витимского древнего диалекта эвенкийского языка, позволяет считать сибилантным-свистящим тунгусский протоязык. Сибилантный-шипящий диалект приангарско-прибайкальских тунгусов образовался позже, когда западная группа была отделена от восточной выходом первых тюркоязычных групп в степные участки Приангарья-Прибайкалья.

Сибилантно-спирантную основу язык удэгейцев получил от оленеводов, говоривших на сибилантно-спирантном диалекте.⁵¹⁾

Эвенский язык образовался после расселения разных групп тунгусов по тайге. В образовании его участвовали разные диалекты эвенкийского языка: шипящий - пеших тунгусов эвэн Приангарья-Прибайкалья и сибилантно-спирантный оленных тунгусов орочен из среднего Приамурья. Эти два самоназвания сохранились до настоящего времени. Кроме того, на образование эвенского языка оказали влияние языки субстрата: западный, давший спирантность западному и среднему диалектам современного эвенского языка⁵²⁾ (они же оказали влияние на образование илимпийского и ербогоченского диалектов северного наречия современного эвенкийского языка). Фрагменты тунгусского предания, сохранившиеся на территории распространения спирантности, рассказывают о низкорослых рыболовах-охотниках чури, питавшихся сырой рыбой, и охотившихся гоним на мелкого тундрового оленя. Они снимали чулком шкуру для одежды. Возможно, чури и были субстратом. Ряд других признаков эвенского языка (усечение основ и окончаний; соответствия сонантов и др.), характерных для восточного диалекта, распространены шире ареала распространения современного эвенского языка. Они свидетельствуют о восточном субстрате, оказавшем свое влияние на образование восточного диалекта эвенского языка и восточных говоров эвенкийского. Если учесть распространение верхней, нижней, дугокопильной нарты, можно допустить, что до-тунгусское население на востоке было ближе корякам.

Насколько можно судить по преданиям и сказаниям, а также по ряду других фактов, в досленеводинский период (вероятно, в пер-

вых веках н.э.)⁵³⁾ степные участки Приангарья-Приамурья заняли тюркоязычные группы, которые к УП в. освоили эти места настолько, что послали в Китай посольство, и в это время назывались гулиганями (кит.источники), курьканами (тюркск.памятники). По эвенкийским преданиям они назывались корэндо (мн.ч. корэндош). Память о них сохранилась в одном гидрониме - названии притока ангарской Ии - Корендо (29). Суффикс -до < -дон (множ.число - -дош, -дор, -дог), является образователем древних родоплеменных названий центральноазиатских народов (монголов, тюрков). Войдя клином в районы, освоенные тунгусами, тюрки дали толчок к расселению последних на запад и на восток от Байкала (22, 32, 43). Расселение на запад по Ангаре и дальше на север по Енисею, а также по Илим-Нижней Тунгуске на север, получило свое отражение в топонимике⁵⁴⁾ и ее распространении в указанном направлении (23, 54), в магическом охотничьем обряде икэнипкэ (20), в сказании об Уняны и корендошах, живших у Байкала, нападавших на тунгусов и уводивших тунгусок в плен (42) и др. Тюрки перенесли с бассейна Селенги название Каракорум (тюркская огласовка) на хребет у истоков Нижней Тунгуски (29). Их слово ил-сел⁵⁵⁾ попало к тунгусам Приангарья-Приленья и стало вторым самоназванием илэ и нарицательным словом в значении "человек" у ленских и нижнетунгусских эвенков. Курькан, вошедший в состав этой группы тунгусов, передал свой этноним, положив начало роду Курка(гир), впервые отмеченному в ХУП в. в районе Ангары-Лены. От тюрков, вероятно у этих тунгусов (ныне токминско-верхнеленская группа) осталась традиция держать охотничьего коня (29).

К западу от Байкала, вероятно, под влиянием языка аборигенов, свистящее произношение заменилось шипящим (во всех случаях звук -с- был заменен звуком -ш-).⁵⁶⁾ Наличие некоторых особенностей шипящего диалекта в говорах аргунских (ХУШ в.) и нерчинских эвенков (ХІХ в.) и в языках солонов (сочетания ши, ше) и онгкоров (сочетания ша), а также в маньчжурском (сочетания ша, шэ) свидетельствуют о том, что группы, говорившие на шипящем диалекте, из Приангарья-Прибайкалья проникали в Забайкалье и дальше на восток. Возможно, это были семьи из рода Бая (Баяки-

Баякшин - зап.эвенк., Баягир - вост.эвенк., Баяра - мнчж).

Движение на восток происходило маленькими группами в течение многих веков, что получило отражение в говорах, в сказаниях и в тунгусской топонимике. Последнее передвижение из Прибайкалья на восток эвенков из рода Шаман-Самагир (36) было еще в памяти стариков на р.Гарин в 1926 г.,⁵⁷⁾ хотя к этому времени они уже ассимилировались с нанайцами. По преданиям нанайцев Самары шли на Амур и дальше к Татарскому проливу двумя путями: южным - через правые притоки Амура, где оставались топонимы Самагир, Самарги, Самар, и северный - через Нерчу, Зею, Бурею, Урми, Горин. Такими же путями, по-видимому, распространялись тунгусы Эджэн-Эдян и группы Улэгир > Улят (Улят), также оставляя на своем пути топонимы Эдян, Эдянгкур, Улэгир, Улят.

В Забайкалье-Привитимье распространялся сибилантный - свистящий диалект, на котором говорили также пешие охотники. Восточные группы их, кочевавшие в верхнем Приамурье, по-видимому, под влиянием фонетики языков амурских аборигенов, изменили в своем диалекте интервокальный -с- на -х- и диалект стал сибилантно-спирантным. Часть их-орочен приручили оленя и вслед за стадом по горным тундрам стали распространяться на северо-восток (Все эти хребты имеют общее эвенкийское название Джугдыр). Другая часть их вышла на Витимо-Олекминское плоскогорье. Встречаясь с пешими охотниками, они передавали им оленей (27) и влияли на их говоры, которые постепенно превращались в сибилантно-спирантные. Таким образом, на всей территории к востоку от Лены распространились говоры сибилантно-спирантного наречия оленных тунгусов, с которыми, по преданию якутов, на р.Патоме были первые столкновения. Следы же прежнего диалекта тунгусов сохранились в мелких особенностях (например: от шипящих говоров остались широкие гласные, губно-губные -в-, -м-; суффиксы обладания -якан, совместности -гали; форма числительных второго десятка со словом "лишний": II - один десять лишний (49, 53).⁵⁸⁾ Якуты, выйдя на среднеленскую низменность, заставили тунгусов отойти на восток и запад, что дало толчок распространению спирантных говоров вилкойских тунгусов на север и восток. Дальнейшее рассе-

ление якутов по северу продвинуло оленных тунгусов дальше на запад до Енисея и на восток - на Колыму. В Туруханске, в 1723 г. и встретил Мессершмидт потомка-орочена (оротонг).

Орочены из Приамурья вынесли на север такие названия родов как Ванэдыр,⁵⁹⁾ Баягир, Монгол, Долган, Донгой-Дунга, Улэгир, Тумат. Вместе с ними шли и группы Эджэнов, получившие от них оленей (43). Они разнесли и топонимы на =ли, =гли и =макит, характерные для среднего Приамурья (25). Как в фольклоре, так и в шаманстве получали отражение былые связи ороченов с монголами (Кингит - название древнего рода монголов, в фольклоре - название конного народа, кроме того - название всех принадлежностей шаманов). Они вынесли на северо-запад ряд амурских традиций и амурских вариантов предметов культуры (18, 39).

Тунгусский (эвенкийский) язык, распространяясь по северу, вступал в контакт с другими языками, заимствуя от них некоторые разделы лексики, а в отдельных случаях подчиняясь их фонетике. Таким образом, появлялись новые говоры основного диалекта. На крайнем северо-западе образовались говоры шипящего диалекта, в которых, по-видимому, под влиянием самоедских языков эвенкийское -ч- заменилось звуком -с- (симка вместо чимка "срединная жердь в чуме"; исэсэв вместо ичэчэв "я видел", 53). Контакты с якутским языком дали ряд говоров сибилантно-спирантного диалекта, на которые якутский язык повлиял в разных степенях. Но во всех говорах стали преобладать взрывные губно-губные -б-//п- вместо проточного -в- (53; также: Романова и Мыреева). Контакты с бурятским языком привели к бурятскому произношению заднеязычных -к-, -х- и к более заднему произношению среднеязычного гласного -э- (Титов, Поппе). Во всех случаях появление новых черт в фонетике говоров и новых слов только обогащало тот или иной говор, но не влияло на основные особенности диалекта.

Изучение современных диалектов и этнографии эвенков позволяет говорить о том, что ареалы позднее образовавшихся диалектов совпадают с ареалами этнографических особенностей групп, говорящих на этом диалекте. Это выражается в раскрое одежды, обуви, в цветовой гамме, в способах украшения вычных сум, в

преобладанием излюбленных элементов орнамента и в других деталях (22, 40).

3. Тунгусский этнографический комплекс

Проблема этнографического комплекса тунгусов, и в частности эвенков, ставится впервые. Каждый народ имеет свой этнографический комплекс, отличающий его от всех соседних и других народов. Поскольку этносы с разными языками могли развиваться в одинаковых хозяйственных и географических условиях, некоторые элементы их комплексов могут быть сходными, но не тождественными и одинаковых комплексов у разноязычных народов не бывает.

Тунгусский этнографический комплекс выявился в результате широкого сравнительного анализа разных элементов культуры. В комплекс вошли самые стойкие элементы, преимущественно материальной культуры, которые с одинаковыми названиями имеются у всех тунгусоязычных народов в незначительных вариантах. Этот факт позволяет считать, что основы комплекса были созданы на первых этапах становления этноса и в дальнейшем совершенствовались в процессе своего развития в определенных условиях хозяйства и географической среды. Элементы этого комплекса по всей своей конструкции и оформлению, а тем более все вместе взятые, характерны только для тунгусов и, встречаясь в отдельности у других этносов, свидетельствуют о контактах с ними. Например, тунгусская колыбель, кроме тунгусо-маньчжуров, имеется у некоторых групп якутов, иганасанов, дауров (не говоря о долганах - якутизированных тунгусов), т.е. у тех народов, в состав которых вошли тунгусы.

Выявленный нами тунгусский этнографический комплекс, в незначительных вариантах сохранился полностью или частично у всех тунгусоязычных народов. Его можно сравнить с языковой основой, общей для всех тунгусских народов. Поэтому для проблемы этногенеза тунгусов этот комплекс имеет не меньшее значение, чем язык.

Для всех тунгусоязычных народов, с глубокой древности, была характерна культура пеших охотников горной тайги, что и отмечалось на протяжении всего времени знакомства с ними и изучения их (II, 22, 27, 31, 38, 40, 42, 43). Охота в горной тайге обусловила состав элементов комплекса. В него входят: поняга (защипная дощечка для привязывания вещей), тонкие приподнятые подступней и на концах лыжи, охотничья нарта, лодка-берестянка; сложный костюм, состоящий из распашного кафтана с полами, не сходящимися на груди, из нагрудника - узкой орнаментированной полосы, подвешенной к шее и с козьей опушкой, доходящей до колен; из нагрудников, ноговиц (длинных замшевых гамаш или штанин) и коротких унтов с поршневидной подошвой; губной деревянный или костяной варган; колыбель в виде сшитых под углом двух дугообразных досок с пришитыми к середине донными дощечками; конусообразный чум с отсутствием наружных кругов, как у якутов, или внутренних, как у самоедоязычных народов и кетов; народный календарь охотников-собирателей, в котором не отражены ни рыболовство, ни оленеводство; представления о созвездии Большая Медведица как о лосе или охотнике Хэглун, гонящимся за лосем, и о Млечном пути, как о лыжном следе этого охотника; обряд добывания удачи охотнику; общие названия для двух действий: выполнение обряда и пение сказаний. Все эти элементы описаны и проанализированы в главах печатающейся монографии "Эвенки" (в XIX-начале XX вв.).

Из этого комплекса у маньчжуров осталась тунгусская колыбель эвенкийского типа, характерная для пешей охотничьей культуры, неразвитые лыжи, а также, по-видимому, сильно измененная ритуальная (праздничная) меховая распашная куртка дэхэлэ ~ тэхэдэ (такое же название имеет женский кафтан из осенних шкур - дэхэли ~ дэхэлик, 22) и обувь - высокий поршень с треугольником, покрывающим подъем, хотя название их монгольское (ула).

Полностью этот комплекс, кроме тунгусов с самоназванием эвенки (исключаются скотоводы эвенки-солоны и эвенки-онгкормы), к XX в. сохранился у эвенков. У оленеводов с самоназванием оро-чон и оро-чол некоторые элементы (поняга, лыжи, охотничья нарта)

исчезли в связи с переходом их к верховой езде на олене, колыбель была усовершенствована и приспособлена к перевозке на олене (орочонский тип) (25). У тунгусоязычных народов Нижнего Приамурья элементы этого комплекса были развиты дальше, усовершенствованы и приспособлены к новым географическим и хозяйственным условиям. Они превратились в амурские варианты. Поняга под влиянием, вероятно, поглощенных аборигенов, вместо прямой доски стала фигурной. Лыжи, ⁶⁰⁾, сохранив свои основные качества; тонкость, изогнутость, меховую подклейку, видоизменились по форме: они стали уже и длиннее, что, вероятно, было обусловлено передвижением по ровной местности, какой была долина Амура. Охотничья нарта в связи с тем, что в нее стали припрягать собак, стала прочнее, длиннее, уже, передние и задние концы стали укреплять с нащепами. Лодка-берестянка ⁶¹⁾ была приспособлена к плаванью по большой реке с высокими волнами. Концы ее носа и кормы стали делать острыми, высокими и загнутыми, а от места сшива этих концов нос забирали берестой для предохранения от волн. Тунгусская колыбель орочонского типа, в условиях сидячего образа жизни семьи, из подвижной (связывая бортовые доски, можно было менять ее размеры и угол соединения) стала неподвижной, борта сузились и угол соединения их уменьшился и стал постоянным. Она превратилась в дневную, а ночная развилась из плоской берестяной коробки (2I, 25). Таким образом, появился амурский вариант орочонского типа. Из сложного костюма у всех сохранились натазники, но несколько удлинненные; ноговицы получили сверху дополнительный отворот, богато украшенный амурским орнаментом; к меховым унтам также добавился отворот. В летних унтах изменился раскрой поршня, вместо овальной формы стал фигурным. Этот поршень сшивался на пятке и на носке, отчего острый носок загибался кверху, носок - треугольник, покрывавший весь подъем, уменьшился, став маленьким треугольником (3I). Таким образом, весь поршень выглядел головкой с подошвой. Такое изменение обуви, по-видимому, было вызвано приспособлением к длинным переходам на лыжах по ровной местности. Распашная наплечная одежда с нагрудником сохранилась в промысловом костюме ороков и в риту-

альном (свадебном и похоронном) костюмах нанайцев,⁶²⁾ ульчей⁶³⁾ и удэгейцев. В их женском костюме нагрудник надевался как поверх, так и под халатом с двойной полрой. У нанайцев и орочей,⁶⁴⁾ по тунгусской традиции, на плечах и на спинке свадебного халата нашивались украшения, имевшие свое назначение в распашном халате. Магический обряд добывания удачи охотнику в Приамурье превратился в моление духу-хозяину тайги с жертвоприношением (Козьминский). В медвежий ритуал вошли элементы аинского медвежьего праздника. Но сказания нанайцев о богатырях, как и эвенкийские, отразили только культуру охотников, хотя охота давно занимает не первое место в их хозяйстве.

Отсутствие большинства элементов и их названий у маньчжуров и наличие их у всех других народов, а также незначительное фонетическое различие этих названий, говорят о том, что формирование комплекса началось у прототунгусов где-то в районе Ламу (Байкала) еще до ухода первых групп, давших тунгусоязычную основу чжурчженям, что соответствует тунгусо-маньчжурскому этапу в развитии тунгусского протоязыка. Развитие же и окончательное оформление комплекса происходило после отхода первых групп, что соответствует тунгусскому этапу в развитии протоязыка. Только после того, как выработался этот комплекс, у тунгусов Приамурья появились олени. В это время началось движение небольших групп на восток в нижнее Приамурье. Там они, скрещиваясь с аборигенами, давали начало новым родственным этносам. Разное происхождение родов народов Нижнего Приамурья свидетельствует о гетерогенности этих этносов и о том, что вхождение в их состав отдельных семей эвенков и маньчжуров происходило в разное время (25).

Если учесть совпадение ряда некоторых предметов ангарско-прибайкальского энеолита с аналогичными предметами у эвенков ХУШ в., то появление тунгусского этнографического комплекса, т.е. начало этногенеза прототунгусов, следует отнести к какому-то этапу неолита. Уточнение датировки требует дополнительного исследования. К энеолитическим предметам, имеющим аналогии у эвенков, относятся: круги на головном уборе, изображения чело-

века, пришиваемые к нагрудной части одежды, ношение дымокурного горшка на плече. Все это сохранялось у них еще в ХУШ в. Рыба — приманка сохраняется в действии до сих пор у стариков, а способ привязывания ножен к бедру, существует до сих пор у эвенков Эвенкийского национального округа.

Оленеводство не входит в тунгусский этнографический комплекс, а является элементом эвенкийско-эвенского комплекса. У тунгусов (эвенков и эвенов) оно появилось относительно поздно, у разных групп в разное время, и мы его рассмотрим отдельно.

Тунгусский этнографический комплекс развивался, а также обогащался в результате связей эвенков и эвенов с соседями, превращаясь, таким образом, в эвенкийский и эвенский. Внутреннее развитие было обусловлено, во-первых, географическими условиями, например: разное устройство носовой части лодки-берестянки в зависимости от того, на каких реках жили эвенки, пользовавшиеся ими. Во-вторых, хозяйственными условиями — появлением оленеводства, например: дальнейшее развитие колыбели в связи с перевозкой ее на олене. Приспособление наплечной одежды к езде на олене (в цельной шкуре с прорезями для вставки рукавов; нижняя часть спинки стала шире, путем вставки двух клиньев или полы и спинки стали выкраиваться по косой от талии книзу, при этом уменьшался мыс на подоле спинной части, пока не исчез совсем, (22, 40). Эти изменения появились вначале на женском кафтане, поскольку женщина, приведшая оленей пешему охотнику-мужу, первой ездил верхом. Изменения раскроя кафтана эвенков с бассейна Енисея произошли уже в историческое время (ХУШ-ХХ вв.). Это видно по коллекции кафтанных ленинградских музеев. В-третьих, — связями с соседями. Такие связи окраинных групп эвенков были очень разнообразными. Они отразились на говорах (в лексике и незначительно в фонетике) и обогатили их этнографические комплексы. Так, в комплексе потомков ангарских эвенков ХУП в., к ХХ в. расселившихся далеко на запад от Енисея и в бассейнах Подкаменной и Нижней Тунгусок, сохранился ряд элементов, напоминающих о древних связях с палеоазиатами. Их унты до колена и голенище вверху имеют вздержку, что характерно для корякской

обуви; одинаков и раскрой (31); такого нет у других групп. Головной убор был в виде венца, в отверстие на макушке продевался пук волос. Аналогичный венец у чукчей характерен для оленних пастухов. В корякском ритуальном (похоронном) костюме сохранилась традиция выкраивать на нижней части спинки полосу - "хвост", оканчивающуюся мысом; аналогичная полоса сохранилась в шаманском костюме XIX в. у эвенков к северу от Нижней Тунгуски и у забайкальских, а у потомков ангарских эвенков, дольше всех сохранивших кафтан с мысом - "хвостом", такая полоса с рисунком ребер, называемая также "хвост", пришивалась к лопаточной части спинки ритуального костюма (22).

К западу от Енисея у эвенков были контакты с кетами, селькупам, хантами и мансями, а у самых южных - с томскими татарами. Эти контакты обогатили эвенкийский комплекс этой группы нартяной упряжкой, сходство которой с мансийской, позволяет считать ее заимствованной от манси. От хантов они заимствовали обласок - маленькую долбленую лодку, заплочную берестяную котомку талми, один из способов украшения берестяных изделий тфаретом на фоне ткани; от кетов - тип шва в обуви и др. (4, 5).

Расселение оленних групп по северу и контакт с тундровыми оленеводами дали эвенкам оленнюю упряжку. На северо-западе через местных русских "затундренных крестьян" орочны получили самоедскую упряжку, переработали ее, приспособив к езде по горной тайге. Самоедскую нарту они стали делать ниже, с копыльями посредине, с "бараном" (горизонтальной дугой, прикрепленной к нащепам); вместо веерной упряжки⁽⁶⁵⁾ - стали запрягать пару оленей на одном потяге, концы которого образовывали лямки, концом пристегнутые на кляпы на боках оленя. При спуске олени расходились по сторонам нарты и тормозили ее. Садились на нарту справа так же, как на оленя (28). Вместе с оленней упряжкой пришла глухая одежда хокуй и высокая обувь, которую эвенки надевали только в дальние поездки (31, 39, 40). Грузовая нарта была такой же, только менее тщательно сделанной.

К востоку от Лены в тундре и лесотундре нартяная упряжка была только грузовой, в которую впрягали пару оленей. Нарта та-

кой упряжки была прямокопыльной, возможно, развившаяся из собачьей.⁶⁶⁾ Ездовая нарта ороحوнов с отрогов Станового хребта также была переделана из собачьей аборигенов. Она низкая, узкая и короткая — на двух-трех парах дугообразных копыльев. Ездили на ней верхом, подложив мешок с мягкими вещами. Эта нарта у ороحوнов, по-видимому, была уже до ХУП в. и от тунгусов с оленеводством перешла к якутам. Идес (ХУП в.), по рассказам, дал рисунок якута верхом на такой нарте. В то время якуты-торговцы на оленях ездили через Алдан на Зею (28). На юго-востоке распространилось жилище угдан (букв. корьевик) с прямоугольным планом (27). Его строили по типу палатки: две высоких жерди, на которых лежала перекладина "матица", а на углах в землю втыкали жерди пониже, связанные с тонкими жердочками, на которых лежали перекладины. Поверх этих перекладин перебрасывали полотно из лиственничной коры. Переднюю и заднюю стороны забирали корьем, оставив отверстие для входа, снаружи кору прижимали плахами. Жилище с прямоугольным планом было у тунгусоязычных народов Нижнего Приамурья, только у них покров изготовлялся из бересты, что сохранилось в названии покрова "береста", хотя он был из другого материала. Корьевик с другой конструкцией остова был у хакасов (сагайцев). Если учесть, что для алтайских тюрков был характерен культ орла и лебедя и для древних тюрков — культ волка, а у ороحوнов и эвенков Эджэн был запрет убивать волка, орла и журавля с темными каймами на крыльях, то можно думать, что зарождение временного жилища с прямоугольным планом, характерного для тюрков и восточных эвенков, могло относиться к району Саяно-Алтайских гор, но дальнейшее развитие его у тунгусоязычных народов и тюрков шло своими путями (27).

Среднеамурские группы эвенков от аборигенов наследовали остроги с соскакивающими наконечниками (трезубцем зэвгэ и крюком элгу~эйгу). Тесные связи с нанайцами эвенков, кочевавших по притокам Амура ниже Буреи, дали им амурскую лодку с донной доской, лопатой, поднимающейся на носу, амурский вариант охотничьей нарты, унты с высоким поршнем и загибающимся вверх носом. Любопытно, что они называли эти унты так же, как называют

енисейские тунгусы (докоми, а низкие "рабочие у них называются олочи). Эвенки-бирары и эвенки-манегры, сохранив свой язык и самоназвание, заимствовали от дауров и маньчжуров их костюм, сохранив эвенкийскую обувь. Перешедшие же на оседлость, вместе с хозяйством маньчжурского типа, заимствовали и все обусловленное им. Эвенки-солоны и эвенки-онгкору - жители степных районов и скотоводы, давние соседи монголов, сохранили только самоназвание и язык - говор зейского диалекта (онгкору) и диалект эвенкийского языка с большим количеством элементов монгольского (солоны). В культурном комплексе их, рядом с тунгусской колыбелью много монгольских элементов. Забайкальские скотоводы эвенки и хамныганы уже к XX в. находились в конце процесса ассимиляции бурятами. Заимствовав почти целиком бурятский этнографический комплекс, они изменили отдельные детали элементов его по своим привычкам. У эвенков Якутии существовали элементы тунгусского и якутского этнографических комплексов (в одежде, обуви и других мелких предметах быта). С ХУП в. у большинства эвенков были связи с русскими (непосредственные или через соседей - якутов и бурятов). Они взаимно обогащали этнографические комплексы. К эвенкам проникло ружье, которое к концу ХУШ в. было почти у всех групп; способы печения хлеба; некоторые элементы костюма. У групп, живших на больших реках - невода и у некоторых - переметы.

4. Последующие этнические процессы

Первые расселения групп прототунгусов и контакты их с аборигенным населением дали начало новым процессам. Эти процессы, происходившие на первых этапах расселения прототунгусов на восток и на запад от Байкала, выразились различно. Проникновение тунгусов в Приамурье и скрещивание их с аборигенами сопровождалось образованием новых этносов (маньчжуры, нанайцы, ульчи, ороки орочи, удэгейцы), в которых верх одерживал тунгусский компонент. Таким образом, появлялись родственные прототунгусам этносы.

Расселение на запад от Байкала и по Ангаре-Енисею не дало новых этносов, а привело к образованию шипящего диалекта и к по-

явлению некоторых новых деталей в элементах культуры тунгусов. Это позволяет предполагать, что, если здесь аборигены и были, то они не очень отличались от тунгусов по культуре. Вопрос взаимодействия тунгусов с субстратом заслуживает специального изучения, он поможет вскрыть многое в ранней истории Средней Сибири и Дальнего Востока.

В историческое время, начиная с ХУП в., наблюдается другое направление в этногенетическом процессе: при скрещивании верх одерживает нетунгусский компонент. Так, Б.О.Долгих, на основании исторических источников ХУП в. выяснил, что на северо-западе ряд эвенкийских родов вошел в состав нганасанов. Некоторые роды эвенков вошли в состав энцев, дав начало родам несамоедского происхождения.⁶⁷⁾ Это подтверждается и этнонимами Бая и Саман (8, 36). На средней части Лены процесс ассимиляции якутами оленых тунгусов из родов Долган, Донгой, Эджэн, живших по Лене ниже якутов, начался задолго до прихода русских в Сибирь. На запад от Хатанги они пришли уже якутизированными, сохранив в языке тунгусскую лексику (особо связанную с оленеводством и охотой) и фонетические навыки.⁶⁸⁾ В их охотничье-оленевсдческом комплексе были элементы якутского этнографического комплекса. На западе они стали называться долганами, хотя в разговорах между собой продолжали называть себя эвенкийским словом тэгэ (люди, народ, род). В ХУШ в. якуты, переселившиеся на Анабару, Оленек и низовья Лены, ассимилировали кочевавших там тунгусов, образовав особые группы якутов.⁶⁹⁾ Начало этого процесса хорошо описано Чекановским.⁷⁰⁾ То же происходило на Вилке ниже р.Чоны с эвенками, оставшимися там. Любопытно, что родичи их, кочевавшие западнее и сохранившие свой язык, в 50-х годах ХХ в. считали их своими родственниками, хотя некоторые из них числились якутами. На Амге и Алдане процесс якутизации эвенков территориально распространялся вверх по течению и к концу ХІХ в. достиг устья Май на Алдане, а к половине ХХ в. дошел до верховьев Амги. Незаметная якутизация происходила и в низовьях Олекмы. Если на Амге и Вилке самоназвание "эвенки" постепенно заменялось названием якуты, то на Алдане и Олекме они еще продолжали называться эвенками. Влияние якутов

распространялось и на эвенков Охотского побережья (современные Аянский и Чумиканский районы) и районов Приамурья. Почти все эвенки, в XIX в. кочевавшие к востоку от линии Алдан-Учур-Зая-Селемжа, владели якутским языком и к ним проникли и некоторые элементы культуры якутов. Следует отметить, что якуты, попадавшие в среду тунгусов и женившиеся на эвенкиях, начинали говорить по-эвенкийски и давали начало новому эвенкийскому роду (например: роды Джер, Дебульго, Бетум, Курбугды, ответвление Бута-Наумовы и др.).

Аналогичная картина происходила и в Забайкалье среди так называемых "даурских" тунгусов - скотоводов и оседлых. Если в XVIII в. в их языке было небольшое количество слов монгольского происхождения (Мессершмидт), то в конце XIX в. многие из них (89,1%, Патканов) уже не владели родным языком, пользуясь бурятским или монгольским (22,8%) и русским (69,2%).

Не было процесса слияния с соседней народностью в тех случаях, когда в среде эвенков, живших рядом с другой народностью, не было семей из этой народности, если не считать единичных случаев браков с женщинами этих народностей и встречу с ними.

В советский период процесс слияния эвенков с другими народностями продолжался, а в отдельных случаях и ускорился.

Если процесс слияния с якутами и бурятами в досоветский период был, в большинстве случаев, результатом взаимных браков и расселения больших групп якутов и бурятов среди эвенков, то в советский период появились новые причины, ускорившие этот процесс. Этому способствовало развитие колхозного строительства и укрупнение колхозов с постройкой центральной усадьбы. В составе таких колхозов половина членов оказывалась якутами или бурятами. Аналогичное происходило и в других районах, где число русских членов колхозов значительно увеличилось. Таким образом, в детских учреждениях и в школах стали воспитываться дети разных национальностей. В Якутии и Бурятии соответственно разговорным и языком преподавания стали якутский и бурятский, а в остальных - русский. Поэтому молодое поколение стало двуязычным (родной и второй - якутский, бурятский или русский), иногда трехязычным,

но чаще одноязычным - в тех поселках, где преобладал русский язык. Дети этого поколения родным языком не владели, не понимали, когда к ним обращались на родном языке. В Якутии процесс якутизации эвенков в советский период значительно усилился. Эвенки алданских колхозов сохраняли еще самоназвание, но родным языком пользовалось только старшее поколение и то в бригадах (Мыреева и Романова, Николаев). Эвенки, занимавшие разные должности в учреждениях поселка, чаще всего вступали в браки с представителями неэвенкийской национальности и дети их, при получении паспорта, могли записывать себя по матери или отцу неэвенкийской национальности. Таким образом, отрыв от традиционных занятий сопровождался постепенной заменой родного языка языком преобладающей среды, преимущественно русским, в Якутии - якутским, в Бурятии - бурятским. Но среди эвенков-колхозников были и такие родители, которые с детства приучали некоторых из своих детей любить тайгу и работу в ней. Последние, окончив начальную и неполную среднюю школу, становились учениками в бригадах, сохраняли свой язык и обычно заключали браки с эвенкиками. Статистическое исследование этого процесса, производимое в настоящее время сотрудниками Института экономики и истории Сибирского отделения Академии наук СССР должно дать очень ценные и интересные результаты.

Параллельно с указанным наметился еще один процесс, имеющий отношение к этносу. До советского периода, тунгусы, расселившиеся на колоссальном пространстве, знали своих только в пределах досягаемости их кочевий (1-2000 километров), поэтому связи между эвенками, кочевавшими на значительно большем расстоянии друг от друга, уже не имели места. Так, не было связи между эвенками, кочевавшими к западу от Енисея и к востоку от Лены; кочевавшими в бассейне Нижней и Подкаменной Тунгусок и в бассейне Амура; между забайкальскими и охотскими группами и т.д. Несмотря на сохранение общих языковых и этнографических основ, но при отсутствии связей, у некоторых из них закрепились разные самоназвания, исторически заменившие, по-видимому, общее - эвенки. Так, у групп, расселившихся по верхней части Нижней Тунгуски, на верховьях Подкаменной Тунгуски и Лены, было самоназвание илэ; у витимо-

оленкинских эвенков наряду с эвенки было самоназвание мата; у всех оленеводов — ороchon. В советский период официальное закрепление одного самоназвания — эвенки — за всеми группами тунгусов, введение письменности на родном языке, выезд молодежи в города и поступление их в разные учебные заведения, особенно Ленинграда, где совместно учились представители разных групп и разных народов, — все это способствовало развитию национального самосознания. Дальнейшему укреплению его помог рост национальной художественной самодеятельности и выезды на конкурсы и разные совещания, где также происходили встречи и где эвенки знакомились с постановками и народным искусством других национальностей и противопоставляли им свои. Укрепление национального самосознания способствовало тому, что к шестидесятым годам забылись такие самоназвания как мата, ороchon и название тунгус.

Введение письменности на одном диалекте, несмотря на недолгий период ее существования, а также расширение общения эвенков, говоривших на разных диалектах, способствовали нивелировке ряда говоров. Еще в тридцатых годах первые эвенки, ликвидировавшие неграмотность и получившие начальное образование на родном языке, старались в своей речи употреблять слова литературного диалекта, что передавалось молодому поколению. Если это поколение еще различало слова своего говора и литературного, то следующее уже не замечало разницы и к пятидесятым годам в лексике нелитературных говоров было немало синонимов. Этот процесс обогащения говоров и их фонетической нивелировки был более ярко выражен в национальных округах. Так, сибилантные-щиплящие говоры потомков ангарских тунгусов в подкаменно-тунгусском диалекте благодаря распространению литературного сибилантного-свистящего диалекта превратились к пятидесятым годам в сибилантные-свистящие (48, 49). Возможно, этому помогли и местные газеты на родном языке, которые в то время стремились читать все эвенки. Обогащение лексики нелитературных говоров отразилось на лексических материалах, собранных в послевоенный период (Василевич, Константинова, Горцевская, Лебедева, Колесникова, Сталь).

Так, в районе Нижней Тунгуски (нижняя часть) сибилантность - "шекание", отмеченное в тридцатых годах, заменилось к шестидесятым годам спирантностью - "хаканием" (48, 49). На востоке в Аянском и Чумиканском районах в тридцатых годах еще сохранялись у некоторых эвенков шипящие и свистящие говоры, а к пятидесятым годам эти говоры стали сибилантно-спирантными как все говоры на восток от Лены (Пукшанская).

Наряду с этим процессом следует отметить и другое интересное явление: эвенки, начавшие свою разговорную речь с родного языка и воспитывавшиеся в детских учреждениях, - школе-интернате, педагогическом училище - на русском языке, однако обучавшиеся и эвенкийскому языку в первых классах школы, в дальнейшем пробовали говорить на эвенкийском языке. Но они настолько привыкли к русскому языку и сравнительно мало занимались родным языком, что речь их представляла собой в значительной мере калькирование с русского (в построении фраз и употреблении падежей), не говоря уже о бедности словарного состава. Это записано нами и получило свое отражение в иллюстративных примерах в книге Константиновой.⁷¹ Таким образом, жизнь в иноязычной среде и преобладание речи на неродном языке приводили к изменениям в родном языке.

5. Проблема тунгусского оленеводства

Тунгусов (эвенков, эвенов и верховских негидальцев) принято в литературе XIX-XX вв. считать оленеводами или охотниками-оленеводами тайги. Такое определение было взято и М.Г. Левиным при определении хозяйственно-культурных типов на территории северной Азии. "Вопросы о культурно-историческом соотношении культурно-хозяйственных типов имеет первостепенное значение для решения проблемы о времени и путях освоения севера человеком и стадиях развития культуры в Северной Азии", писал он.⁷² Принимая полностью это положение, мы не можем в то же время согласиться с отношением всех тунгусов (особо - с самоназванием эвенки и эвен) к оленеводам-охотникам по происхождению.

К XX в. большая часть таежных тунгусов была оленными охотни-

ками. Но забайкальско-амурские тунгусы (эвенки-солоны, эвенки-онгкору, хамныганы) и верхнеамурские орочены - скотоводы, кочевавшие со своими стадами между зимниками и летниками, оленеводства не знали. Единицы из забайкальских оленных тунгусов, бродившие на границе тайги и степей в бассейнах левых притоков Витима, Шилки и Аргуни, а также эвенки-бирары и манегры со средних притоков Амура, кочевавшие на границе с долиной Амура, неблагоприятной для жизни оленей, часто лишались оленей и, приобретя двух-трех лошадей, становились конными охотниками (мурченами, как их называли в Забайкалье). Сведения о таких переходах от "олeneводства" к "кoneводству" и обратно встречаются в литературе на протяжении ХУШ-ХІХ вв. Подобные случаи и привели историка Г.Ф.Миллера к мысли, что все скотоводы тунгусы вначале были оленеводами и что причиной перехода к скотоводству и расселения на юг, по степям, была потеря оленей.⁷³⁾

Русские документы ХУП в. делят тунгусов на "пеших", "сидячих", "лодoшных", "олeнных" и "скотных"; все эти названия являются буквальным переводом с эвенкийского (пешие - шалган, сидячие - мэнэ, лодoшные - дэвйт бидерйял; были и "собачьи" - хундысал, букв. "хозяева собак"). Все, кроме "скотных" и "олeнных", были пешими охотниками, в большей или меньшей мере занимавшимися и рыболовством.

В ХУП-ХУШ вв. пешие охотники, не имевшие оленей и имевшие их по несколько голов для перевозки вьюков и как запасное живое мясо, отмечались на Ангаре, верхней половине Лены, в верховьях Вилюя, в низовьях Верхней Ангары, Буреи, Биры и на Охотском побережье. В некоторых местах пешими были отдельные семьи, временно оставшиеся без оленей (например, на истоках Алдана, в озерном районе к югу от Котуя, в районе Баргузина). По данным исторических источников ХУП в. к пешим охотникам относились и енисейские, уходившие охотиться на истоки Сыма, и Дубчаса. Русские послы Спафарий и Идес, в ХУП в. проезжавшие по Ангаре в Китай, оленных не встречали. Идес, а также польский военнопленный Каменский Длужек отмечали у ангарских тунгусов большое количество собак, а Каменский подробно описал и собачью упряжку. В чертеже

и росписи рек (впадающих в Лену) Палицина (1638) даже проводилась граница по Лене у устья Вилюя: вниз от устья оленные, вверх - пешие и сидячие. В ХУШ в. П.Георги в описании тунгусов отметил территорию распространения оленных - Даурия (горное Забайкалье), районы Баунта, Охотска и низовий Лены, а во всех местах, кроме указанных, бродили "звероловствующие и рыбную ловлю производящие". "Некоторые из них, - пишет Георгий, - имеют по несколько оленей (2-10, Г.В.), которых берегут и редко доят. Старые люди и девки ездят верхом".⁷⁴⁾

В самом конце ХІХ в. олени были почти у всех тунгусов, но в разном количестве и в различном пользовании. Наличие оленей у всех и позволило считать эвенков и эвенов оленеводами тайги. Особенности кочевого быта, охоты и оленеводства таких "оленево-дов" не принимались во внимание при характеристике их по хозяйственному признаку. Но материалы переписи 1897 г. заставили С. Патканова по ведущему занятию выделить среди тунгусоязычных народов группы пеших охотников (звероловов, рыболовов), оленных и конных охотников. Оленные охотники кочевали в Якутском округе, в северной части Приморской области, в Амурской области и на Сахалине. Рыболовы расселялись в нижнем Приамурье, на озерах в Забайкалье и на запад от истоков Вилюя. Все остальные были звероловами. Несмотря на наличие нескольких голов оленей, они по традиции продолжали оставаться пешими охотниками. С этим были связаны и самоназвания: эвэнки, эвэн - все потомки пеших, орочон и орочод - все оленные (35).

Как указывалось, оленеводство не отражено ни в народном календаре, ни в сказаниях и в ранних преданиях. Наоборот, ранний фольклор отмечает появление оленей у пеших охотников. Продвигаясь из Забайкалья на восток, они получали мех от оленных си-ви-ров и киданей и те приводили в приданое оленей. Аналогичное мы встречаем и в сказках эвенов. Среди коренных эвенков к северу от Нижней Тунгуски в начале нашего века еще существовали рассказы о том, что оленеводство появилось во время "войн" ко-рен-ных эвенков с оленными пришельцами с востока (К.Рычков). Столкновения эти, по преданиям, имели место до и после прихода

русских в тундру. Некоторые из столкновений зарегистрированы документами ХУП в. Оленеводы орочонг (Мессершмидт) шли с востока из-за Лены и вели с собой "чюмовых" (терминология ХУП в.) оленей, которые в тундре возили жерди для чума. Эти оленеводы внесли в этнографический комплекс лесотундровых и тундровых тунгусов детали, характерные для этнографического комплекса амурских тунгусов (18, 40), свои фольклорные мотивы (43), а также внесли в местные говоры некоторые фонетические особенности и лексику своего диалекта (записи Мессершмидта, Миддендорфа, Чекановского и современные), принесли топонимы на -макит, -ли, -гли, память о кожаной лодке мерэкэ и ряд других деталей. Отдельные оленеводы из тундры прошли на юг и по рр. Учами и Таймура вышли на удобные для оленеводства водораздельные тундры между Нижней и Подкаменной Тунгусками. По преданиям, отразившим жизнь эвенков до и после прихода русских на эту реку, охотники, принимая оленей за диких, убивали их, что приводило к столкновениям (45).

Изучение тунгусского оленеводства позволяет выделить два типа (в их вариантах), условно названные нами эвенкийским и орочонским. Первый характерен для всех групп охотников с самоназванием эвенки, второй - для оленеводов орочон.

Главные этнографические особенности каждого типа были следующими (35):

Эвенкийский тип	Орочонский тип
1. Олень - живое мясо; в случае неудачной охоты допускался забой оленей на мясо.	1. Олень - транспортное животное; забой на мясо бывал как исключение в случае травмирования оленя.
2. Олени составляли небольшое стадо (4-5 до 20-30 голов), необходимое для перевозки скарба.	2. Стадо было относительно большим (20-30 до 200-300 голов).
3. Оленя использовали только под вьюк, верховой езды не было. По-	3. Олени использовались под вьюк и для верховой

Эвенкийский тип	Орочонский тип
<p>этому не было и специального верхового седла. У некоторых допускалась езда стариков, больных и женщин. Ездили на вьючных седлах с высоким посохом <u>н'эри</u>. Для удобства седло расширяли парой женских сумок.</p>	<p>езды, а некоторые и в нартяной упряжке. Было специальное верховое седло. Ездили, держа в руках низкий посох (<u>тыевун</u>), а женщины у некоторых - высокий посох <u>нэри</u> с криком на верхней стороне для поправки сползших вьюков. Посохами пользовались при переправах через бурные потоки.</p>
<p>4. Уход за оленями (отел, спаривание, кастрация) считался делом женщин, но традиции, когда женщина, приведшая оленей в хозяйство, сама ухаживала за ними.</p>	<p>4. Уход за оленями был делом мужчин.</p>
<p>5. На зиму (а некоторые и на лето) отпускали оленей в заснеженные долины и в гольцовые тундры. Зимой охотники были заняты пушной охотой, летом - рыболовством.</p>	<p>5. Оленей в тайгу не отпускали, кочевали с ними круглый год. Охотились на олене, некоторые и стреляли, не слезая с него.</p>
<p>6. Маршруты кочевков определялись потребностями охоты и рыболовства. При перекочевках все шло пешком, женщины подвешивали на плечо колыбели с ребенком и вели караван. Если оленей не хватало, вещи перевозили на охотничьей нарте или на шкуривоколуше, летом - в лодке-бе-</p>	<p>6. Маршруты кочевков определялись потребностью оленя в корме. Кочевали круглый год с семьей. При перекочевках все ехали верхом. Колыбели с детьми вьючили на оленя. Стоянки <u>уриkit</u> были кратковременными и преимущественно в горах: на истоках рек - летом, в среднем</p>

Эвенкийский тип	Орочонский тип
<p>рестянке. Зимние стоянки <u>мэнбэн</u> располагались около рек и озер. Зимой семья жила в чуме из плах <u>голомо</u>. Поэтому эти рыболов-охотники назывались <u>мэнэд'эрил</u> букв. сидячие, или <u>тагар</u> "лесные"; <u>хойгор</u> "болотные" <u>бира</u> - <u>гар</u>, <u>негар</u> приречные.</p>	<p>течении - зимой. Жили в чуме <u>эу</u> из тонких жердей или в палатках. Охотились, не уходя от семьи. Рыболовством занимались попутно. Поэтому, они назывались также: <u>нулгиктэд'эрил</u> кочевые, <u>урэгэр</u>, <u>донкар</u> "горные".</p>
<p>7. На охоту уходили на лыжах или пешком, обязательно с пальмой, ведя за собой навьюченного оленя или коня.</p>	<p>7. Охотились на олене. Все вещи привязывали к седлу или везли во вьюках. Некоторые охотились, не слезая с оленя. Пальму <u>кото</u> заменял топор или пальма <u>уткэн</u>, но на короткой рукоятке. Большинство не знало лыж, поняги и охотничьей нарты.</p>
<p>8. Телят, рожденных от диких оленей, забивали.</p>	<p>8. Телят, рожденных от диких оленей, оставляли для улучшения породы.</p>
<p>9. Обряд табуирования оленя производился для здоровья членов семьи.</p>	<p>9. Обряд табуирования оленя производился для благополучия стада.</p>
<p>10. Тамга - лук или человек.</p>	<p>10. Тамга человек верхом на олене.</p>

Кроме особенностей, связанных с оленеводством, были и другие, которые напоминали орочонам о их южном происхождении и связях со скотоводами, например, кожаная лодка марэке для переправ (чехол, сшитый из двух прокопченных лосиных ровдуг, который натягивали на жерди - каркас перед переправой), которую не знали пешие охотники, но которая была характерна для скотоводов

Центральной Азии,⁷⁵⁾ кроенная подошва в унтах и внутренние швы и другие мелкие детали (3I). Став оленными, они забыли о поняге, лыжах и охотничьей нарте, колыбель усовершенствовали для перевозки на олене.

Таким образом, этнографические и фольклорные данные, типы тунгусского оленеводства, топонимика и ее распространение, сам тунгусский этнографический комплекс, созданный пешими охотниками горной тайги и сохранившийся полностью у потомков пеших, элементы которого и общие названия сохранились у всех тунгусоязычных народов - неоленеводов, а некоторые из них и у маньчжуров, - все это свидетельствует о первичности пешей охоты у тунгусов и о вторичности оленей охоты, следовательно, и о вторичности расселения оленьих групп по Сибири. На первичность расселения пеших охотников указывает и факт выхода первых тюркоязычных групп в степи Прибайкалья, датируемый археологами рубежом н.э. (Хороших). Лингвистический и этнографический источники же свидетельствуют о том, что тюркский клин в южном Прибайкалье был первым толчком к расселению тунгусов на восток и запад от Байкала и это расселение происходило в доленеводческий период. М.Г. Левин, ознакомившись с моими неопубликованными работами о доленеводческом прошлом эвенков, отрицал мои доказательства, выставляя против них свои положения, не фундированные фактическим материалом. "Возникнув у древних тунгусоязычных групп, - пишет он, - оленеводство открыло перед ними широкие возможности освоения Сибирской тайги. Распространяясь по Северной Сибири и ассимилируя дотунгусоязычное население этих территорий, тунгусоязычные племена воспринимали очень многие черты хозяйства и культуры аборигенов - охотников и рыболовов тайги и сами растворялись в массе аборигенного населения".⁷⁶⁾

Если в языках и в этнографических комплексах тунгусоязычных народов Нижнего Приамурья относительно легко выделить элементы субстрата, то у эвенков и эвенов можно говорить о субстрате только в северных районах (к северу от Нижней Тунгуски, Вилюя и Алдана и на Охотском побережье). У других выделить субстрат сейчас нельзя. Таким образом, проблема субстрата у эвенков тай-

ги остается открытой. Предположение М.Г.Левина, что аборигенами тайги были предки юкагиров, не подтверждается ни данными языка, ни данными этнографии.

Этнографический комплекс отдельных групп эвенков обогатился некоторыми элементами культур соседей уже в историческое время.

Вопрос о том, каким образом тунгусы приручили оленя, также не имеет точного ответа. У потомков ангарских тунгусов существует миф о нгамондри-медведе, пожертвовавшим собою, чтобы у эвенков были олени и все орудия обработки сырья. Но, по варианту того же мифа, нгамондри-момондой - название древнего племени с иным языком, с которым ангарско-енисейские тунгусы вели немой обмен. Вероятно, некоторые из ангарских тунгусов и получили оленей от мифических нгамондри-момондоев, которые вошли в их состав и у которых культ медведя был тотемистическим. В дальнейшем смешались разные представления (нгамондри - предки и медведь - предок). Значительно реальнее факты о приручении оленя у забайкальско-амурских групп. Возможно, от них у современных алданских эвенков сохранился сюжет сказания о приручении оленя естественным путем (олени стали приходить к чуму женщины и есть мох, смоченной мочой).

Китайские исторические источники отмечают в VI в. в районе Хингана и верховьев Олекмы и Витима оленеводов, применявших оленя в транспорте. Их, как указывалось, считают тунгусами. Если в VI в. олень в горах Забайкалья - Верхнего Приамурья был уже транспортным животным, то приручение его должно было иметь место за несколько веков ранее. К XIII в., когда якуты вышли на среднюю часть Лены, оленные тунгусы уже расселились в районе Лены и восточнее. Якуты заимствовали от них оленеводство.

Если о приручении оленя имеются только фольклорные данные, то о появлении верховой езды под влиянием езды на коне, которого тунгусы заимствовали от соседей коневодов-монголов, говорят такие названия, как "седло" эмэгин (монг. эмэгэл ~ эмэл); обшив-ка седла и мешки, набитые волосом, в которые вставлялись полки седла комдан ~ хомдан (монг. хом потник под седлом верблюда); хим ~ им метка на ухе (монг. им метка); тэнинэ, старый мех под

деревянное необшитое седло (монг. тан потник); акта - в обоих языках "холостить". В фольклоре эвенков Забайкалья-Приамурья фигурируют конные охотники, у которых есть олени, а у верхне-ленских эвенков, в состав которых вошли и верхнеамурские, у охотника всегда было два коня (охотничий и боевой); оленей они держали как живое мясо. Может быть предками верхнеамурских тунгусов-орочен были конные сивiry преданий (большие шивей - исторических источников), которые имели коней и оленей и, как исключение, ездили верхом на олене. Сказания не подчеркивают языковой разницы между этими сивирями и охотниками эвенками. Возможно, что эти "сивiry" сказаний, исторически, были нийчженями, о которых Ху-цяо в X в. писал в дорожных заметках: "они (нийчжи, Г.В.) имеют много оленей, диких собак, бьют оленей и едят их сырое мясо". Он же писал о народе во-цзе-цзы, жившем, по-видимому, в районе Станового хребта "эти люди имеют оленей... ездят на них без седла".⁷⁷⁾

х

х

х

Объединяя выводы по всем разделам, при настоящем состоянии исследования материалов по проблеме этногенеза тунгусов мы имеем следующие итоги:

I. Основное положение эвенкийского языка в группе тунгусо-маньчжурских языков и сохранение у эвенков всех элементов общетунгусского этнографического комплекса, во-первых, переводит проблему этногенеза тунгусов-эвенков в проблему этногенеза прототунгусов; во-вторых, свидетельствует о том, что на первых этапах становления прототунгусов развитие праязыка шло параллельно с развитием культуры. Этот вывод находит некоторое соответствие в выводе Б.А.Серебренникова в отношении субстрата для марийцев и чувашей: "теория субстрата, как никакая другая языковедческая теория, позволяет в полной мере устанавливать соответствие лингвистических данных данным других общественных наук - истории, археологии, этнографии и антропологии",⁷⁸⁾ т.е. на

ранних этапах язык развивается параллельно с культурой, поэтому совпадают данные разных наук. Наш вывод близок и к выводу Н.Н. Чебоксарова. "Культурная специфика - основной признак всякого этноса ... язык же ... - форма существования культуры".⁷⁹⁾ И, наконец, наш вывод близок и к выводу Ф.П.Филина в отношении праславян и их языка. "Язык - постоянный однозначный признак этнической общности, древности ... каждая этническая общность имела свои особенности в хозяйстве и культуре."⁸⁰⁾

2. Тунгусский протоязык генетически родственен другим языкам алтайской семьи.

3. Поскольку тунгусский протоязык выделился из алтайской языковой общности еще до того, как оставшиеся языки разделились на тюркские и монгольские, носители этого протоязыка должны были как-то отделиться от остальных. Прототунгусы-охотники ушли в горно-гольцовую зону, расположенную в районе, примыкавшем к южной части Байкала. Здесь и началось их формирование. Поскольку элементы языка и культуры сохранились у всех тунгусоязычных народов и маньчжуров, мы условно назвали первый этап этногенеза прототунгусов тунгусо-маньчжурским. Он продолжался до ухода первых групп на восток, где они, скрестившись с аборигенами, дали начало тунгусоязычным чжурчженям. Выход этот, по-видимому, происходил после того, как произошло разделение оставшихся на тюрко- и монголязычные этносы. Это было первым расселением прототунгусов. Что дало толчок ему - вопрос, требующий особого исследования. Этот этап, вероятно, придется датировать концом неолита.

4. Оставшиеся прототунгусы продолжали развиваться как в языковом, так и в культурном отношении. Второй этап мы условно назвали тунгусским. В это время сформировались основы древнего тунгусского языка, элементы которого имеются во всех языках, за исключением маньчжурского, и окончилось формирование тунгусского этнографического комплекса. Этот этап, вероятно, придется датировать рубежом н.э. К концу этого этапа, по-видимому, относится и выход первых тюркоязычных групп в степи Прибайкалья, что археологами датируется первыми в.в. н.э. Тюркский клин, ве-

роятно, надо считать толчком к расселению древних тунгусов-эвенков на запад и восток от Байкала.

5. Расселение небольших групп происходило в дооленевоодческий период и шло оно ряд веков. В этом же периоде, по-видимому, отдельные группы из ушедших в верхнее Приамурье орочен (жителей Оро) стали конными охотниками и позже приручили оленя. Вначале они использовали его как мясное животное, затем перенесли на него свои навыки езды на коне и стали применять его в транспорте. Кочуя вслед за оленным стадом по горным тундрам, они постепенно шли на северо-восток. На своем пути они встречались с расселившимися ранее пешими охотниками эвэн-эвэнки и вступали с ними во взаимнообратные связи, передавая им оленей в виде приданого. Ко времени выхода предков якутов на Лену оленные тунгусы-орочены уже расселились по правым притокам Лены и вышли на отроги Верхоянского хребта.

6. Рост численности якутов и распространение их по территории тунгусов, особенно с ХУП в., заставили тунгусов отходить на запад и восток от Лены и низовий ее притоков. В районе к западу от Лены-Анабара-Оленека и в озерном районе оленные орочен смешивались с пешими, вводя в их диалект и этнографический комплекс свои элементы. Таким образом, к северу от Нижней Тунгуски-Вилюя сформировались новые группы со своими диалектами (олимпийская и ербогоченская), отличающимися друг от друга суммой фонетических деталей и лексики и с некоторыми деталями в этнографическом комплексе.

7. Со времени расселения древних тунгусов по тайге начался процесс взаимодействия с современными соседними группами населения. Он не закончился и в советский период. На крайнем северо-западе группы эвенков вошли в состав нганасанов, а отдельные эвенки дали начало новым родам энцев. На Хатанге-Лене эвенки были ассимилированы якутами, в Забайкалье - бурятами. В нижнем Приамурье отдельные эвенки давали начало нанайским, ульчским родам, а также входили в состав ороков, удэгейцев и орочей.

П р и м е ч а н и я

1. Народы Восточной Азии. М.-Л., 1967, стр.686-687.
2. Северное спирантное наречие объединяет Илимпейский диалект - к северу от Нижней Тунгуски и вниз по ней от р.Илимпеи до устья и Ербогоченский - в бассейне Нижней Тунгуски между реками Илимпея и Тэтэя. Южное сибилантное-шипящее наречие объединяет Сымский диалект - к западу от Енисея и к югу от Турухана; Северо-байкальский - в северном Прибайкалье и говоры ангарских тунгусов в Подкаменно-Тунгусском и Токминско-верхнеленском диалекте. Южное сибилантно-свистящее наречие объединяет Подкаменно-Тунгусский диалект в бассейне Подкаменной Тунгуски; Непский - в бассейне Нижней Тунгуски между реками Тэтэя и Непа и вверх по последней до р.Ики; в бассейнах Пеледуя, Чечуя и нижней части Витима и Баунтовский - в бассейнах левых притоков Витима. Восточное сибилантно-спирантное наречие объединяет следующие диалекты: Олекминский, Верхнеалданский и Зейско-Амурский, Зейско-Учурский, Буреинско-Урмийско-Амгунский, Чумиканский, Аянский и Сахалинский.
3. D.G.Messerchmidt. Forschungsreise durch Sibirien 1720-1717. T.2. Berlin 1963; T.3, Berlin, 1966. Castren's Nordische Reisen und Forschungen, Bd.IX, 1856 (Словарь Миддендорфа включен в словарь Кастрена). Akad.Schiefner. Beiträge zur Kenntnis der tungusischen Mundarten. Melanges Asiatique, t.III, 3, 1859; Его же. Alexander Czekanowski's tungusisches Wörterverzeichnis. Bulletin de l'Academie Imperiale der Sciences, XXIV, 1878. К.М.Рычков. Словарь. Рукописный отдел Б.инст.Востоковедения, ныне Институт Народов Востока. Фонд 49. А.В.Романова и А.Н.Мыреева. Очерки токминского и томмотского говоров. М.-Л., 1962; Их же. Очерки учурского, майского и тоттинского говоров. М.-Л., 1964. Также наши записи 1925-1966 гг.
4. В.В.Бартольд. Киргизы. Фрунзе 1927. Marvazi. China on the Turks and India. Transl.von Minorsky. London, 1942.

5. The atlas of Siberia by Simyon Remezow. Edition by Leo Bagrow. Copenhage, 1958.
6. Du Halde. Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'Empire de la China et de la Tartarie Chinoise. La Haye, t.IV, 1736.
7. Б.П.Полевой. Забытый источник сведений по этнографии Сибири. Советская Этнография, 5, 1965.
8. Isbrand Ides. Three years travels from Moscow over Land to China. London, 1706.
9. A.Brand. Beschreibung der Chinesischen Reise, welche vermittelt Einer Zaris Gesandtschaft durch Dero Ambassadeur Herrn Isbrand. Anno 1693-1694. Hamburg, 1698.
10. D.G.Messerschmidt. Forschungsreise . Цит.соч.
11. Ph.J.Strahlenberg. Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730.
12. Г.Ф.Миллер. История Сибири, т.I, Втор.изд., М.-Л., 1937, стр.184-185.
13. П.Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Т.I-III, СПб., 1775-1779.
14. (П.С.Паллас). Сравнительные словари языков и наречий. СПб., 1787.
15. Походный журнал, учиненный якутской воинской команды сержантом Степаном Поповым в 1794 г. Акты архивов Якутской области 1650-1800. Е.Д.Стрелов, т.I, Якутск, 1916, стр.286-293.
16. M.Castren. Reiseberichte und Briefen aus den Jahren 1845-1849. Castren's Reisen und Forschungen. B.II. St.Pet., 1856, S.160-161.
17. Н.Я.Бичурин (Иакинф). Собранные сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Второе изд., М.-Л., 1950, стр.375.
18. Там же, стр.XXXVII.

19. А.Ф.Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч.І-ІІ, СПб., 1860-9.
20. Л.Шренк. Об инородцах Амурского края, т.І, 1883, т.ІІ, 1899, т.ІІІ, 1903.
21. Р.Маак. Путешествие на Амур. СПб., 1859; Его же Вилюйский округ Якутской области. СПб., 1887.
22. С.Патканов. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. ч.І, в.І, стр.013, **ЗРГО, 03, т.ХХІ**.
23. Ю.Д.Талько-Гринцевич. Материалы по антропологии и этнографии Центральной Азии. вып.І, Л., 1926, стр.4-5.
24. S.Shirokogoroff. Social organization of the northern tungus. Shanghai, 1929, p.249.
25. Л.Шренк. Цит.соч., т.І, 1883, стр.213.
26. Помимо статьи автора (59). В.А.Аврорин. Новые исследования по языкам народностей севера. Изв.Ан.СССР. Отд.яз.и лит., вып.5, 1957. Его же. О классификации тунгусо-маньчжурских языков. Доклад на XXV Международном Конгрессе Востоковедов, М., 1960. О.П.Суник. Кур-урмийский диалект, Л., 1958.
27. Различия определения относятся к делению всей группы языков на ответвления и к названиям последних. Одни (Василевич, Суник) считают два ответвления: тунгусское и собственно маньчжурское; другие (Аврорин) - три: собственно-тунгусское, тунгусские языки нижнего Приамурья и собственно маньчжурское.
28. Г.Ф.Миллер. Цит.раб., т.І, стр.185.
29. Н.Бичурин. Цит.раб., т.І, стр.375.
30. M.Deguines. Histoire generale des Huns, des Turcs, des Mongoles et autres Tatares Occidentaux, t.І, p.ІІ, Paris, 1756-1758.
31. А.Миддендорф. Цит.соч., ч.ІІ, 1869, стр.638.
32. И.Лопатин. Гольды. Владивосток. 1922, стр.19-20.
33. Л.Шренк. Цит.соч., т.І, стр.12.
34. S.Shirokogoroff . Цит.соч., стр.141.
35. А.П.Окладников. К изучению начальных этапов формирования народов Сибири. Советская Этнография, 2, 1958.

36. М.Г.Левин. Этническая антропология и проблема этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958, стр.179-186.
37. K.Jettmar. Zur Problem der tungusischen Uhrheimat. Wiener Beiträger zur Kulturgeschichte und Linguistik, XI, 1952.
38. Milewski Tadeusz. Zarys jesykoznaawstwa Ogolnego szese. II Rosmieszeezenie jesykow. Lublin-Krakow, 1948.
39. Лин-Чун-Шэн. Племя хэчжэ нижнего течения Сунгари. Сер.тр. нац.инст.Истор.и Филол.Кит.АН, сер.А, № 14, Нанкин, 1934. Перевод Н.В.Кюнер. Арх.ИЭ, фонд 8, оп.1, № 52.
40. А.П.Окладников. Цит.соч., стр.45.
41. Эго же. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.-Л.,1955,стр.9.
42. Там же, стр.9-10.
43. А.П.Окладников. Далекое прошлое Приморья.Владивосток, 1959, стр.4.
44. М.Г.Левин пишет: "Эвенки Прибайкалья (северного, Г.В.), по-видимому, Северной Якутии, различные группы ламутов бассейнов Колымы, Охотского побережья, Чукотки, Камчатки обнаруживают выраженный комплекс признаков, характерный для байкальского типа. В составе эвенков южных районов (Олекма-Амга, Г.В.) можно предполагать наличие Центрально-Азиатского компонента"... (стр.150). К сожалению, фраза о месте происхождения в его книге осталась неоконченной. ("Наличие в составе эвенков, помимо байкальского, также и центрально-азиатского компонента позволяет предположить, что область формирования тунгусских языков, генетически родственных с языками тюркскими и монгольскими, включая группы в антропологическом отношении близкие к центрально-азиатскому типу"... стр.199). "Среди западных (подкаменно-тунгусских, Г.В.) представлен своеобразный тип, обнаруживающий значительное сходство с типом саянских оленеводов - тоджинцев и тофаларов, выявляющийся также среди чулымцев" (цит.соч., стр.150).
45. М.Г.Левин. Этнографические и антропологические материалы как исторический источник. Сов.Этн., 1, 1961, стр.27.
46. Ю.Г.Рычков. Материалы по антропологии западных тунгусов. Тр. ИЭ, т.ЛХI, III Антропологический сборник 1961. И.М.Золотарева, Некоторые данные по этнической антропологии населения Забайкалья, Зап.Бур.-Монг.НИИЖ, т.XXIV, 1957.

47. Г.И.Андреев, Ю.М.Фомин, П.П.Пашкин. Неолитическое поселение Подкаменной Тунгуски. Советская Археология, 3, 1965. Г.И. Андреев, Ю.М.Фомин. Археологические разведки по Среднему течению р.Подкаменной Тунгуски. Кр.Сообщ.ИА, 101, 1964. Н.А. Мочанов. Ранний неолит Алдана. Сов.Археология, 2, 1966. С.М.Федосеева. Находки на Амге. Научн.сообщ.Як.Ф.СО АН СССР, в.2, 1960. Ее же. Древние культуры верхнего Вилюя. Якутск, 1965. Ее же. Неолитический могильник Туой-Хая. Сб.Новые данные по истории Сибири. Новосибирск, 1965. В.Е.Ларичев и М.И.Рижский. Озерный неолит и ранняя бронза Восточного Забайкалья. Стоянки Иргень, Кенок. Сибирский археологический сборник, 2, Новосибирск, 1966, стр.125.
48. Н.А.Баскаков. Тюркские языки. Языки народов СССР, т.П, М.-Л., 1966, стр.14-15.
49. Там же.
50. Представление о созвездии Большая медведица как о лосе имеется у финно-угров и некоторых тюркских (сойоты, якуты) народов. И у них появление этого представления связано с началом охоты на лося - с таежной зоной.
51. Ареал распространения сибилантно-спирантных говоров совпадает с ареалом распространения колыбели ороchonского типа, а распространение сибилантных - с распространением колыбели эвенкийского типа.
52. К.Новикова. Очерки диалектов эвенского языка. М.-Л., 1960, стр.17-19.
53. Выход первых тюркоязычных групп к Байкалу датируется археологами первыми веками н.э. (П.Хороших. древние памятники на г.Манхай. Вост.Сиб.Правда, № 15, 1962). Тунгусское происхождение названий Дэму (Байкал), Енисея, всех трех Тунгусок (Катонга) и преобладание тунгусской топонимики в бассейнах последних, а также название Енисея Аны (эвенк. Иэнэ ~ Иана ~ Иэннэгэ → русск.Енией), записанное в древнетюркских памятниках (по мнению В.Бартольда, тунгусского происхождения и "больше нигде не встречается". В.Бартольд, Киргизы, Фрунзе, 1943, стр.31), и тот факт, что самосеодязычные группы, выйдя к Енисею (перв.полов.1 тыс., Хомич), приняли его тунгусское

- название, добавив слово ям (Ензе Ям), говорят о глубокой древности освоения тунгусами тайги бассейна Енисея, возможно, до н.э.
54. Например: Ламу - Байкал и назв. озера в тундре к востоку от Енисея; Немир ~ Невер - название рек в верховьях Енисея и в бассейне Амура; Анюй - притоки Шилки, Аргүни, Нерчи, Амура (ниже Хабаровска), Колымы и много других (23).
 55. Народ, племя, племенной союз" (древнетюркск., С.Е.Малов); "народ, люди" (уйгурск., чагатайск., телеутск., адыгейск.), "своя семья, свое племя, собственный народ" (алтайск., лебединск., телеутск.); "племя, народ, люди" (кирг. к-кирг.); "родович, род, племя, племенной союз" (узбекск.). Опыт словаря тюркских наречий В.Радлов, т. I, стр. 803, 1471).
 56. Эта особенность имеется в кетском, в западных говорах бурятского и в языках алтайских тюрков. Но в эвенкийском шипящее произношение распространяется на все случаи, а в указанных языках оно бывает только в определенных сочетаниях и словах.
 57. Н.К.Каргер. Отчет об исследовании родового состава населения бассейна р.Гарина. Гарино-Амгунская экспедиция, 1926, Л., 1929, стр. 12.
 58. Л.В.Романова и А.Н.Мыреева. Очерки токкинского и томского говоров. М.-Л., 1962. Их же. Очерки уурского, майского и тогинского говоров. М.-Л., 1964.
 59. Названия родов на -дыр ~ -дар характерны для монголов XIII в., от них этот способ перешел к амуроким тунгусам, часть которых - ороchon разнесли их по северу.
 60. Сибирский историко-этнографический атлас. М., 1964, стр. 80, 82, табл. 3, 4, 8, 9.
 61. Там же, стр. 109, 112, табл. 3, 8.
 62. Колл. Государственного Музея ^{Этнографии} в Ленинграде.
 63. Е.П.Орлова. К вопросу происхождения ульчей. Сиб. О.АН СССР, Сер. обществ. наук, № I, в. I, 1965. А.В.Смоляк. Ульчи. М., 1966, стр. 85.
 64. Колл. Государственного Музея Этнографии в Ленинграде.

65. В советское время тундровые эвенки стали запрягать оленей, веером, переняв упряжь от долганов.
66. Езда на нартах у эвенков в Якутии началась в советский период.
67. Б.О.Долгих. Происхождение нганасанов. Сибирский этнографический сборник, I, 1952. Его же. О родоплеменном составе и распространении энцев. Советск.Этнография, 4, 1946.
68. Е.И.Убрятова. О языке долган. Языки и фольклор народов сибирского севера. М.-Л., 1966. Ее же. Взаимодействие языков (на материалах якутского и эвенкийского языков). Доклады и Сообщения. ИЯ, IX, 1956.
69. И.С.Гурвич. К вопросу об этнической принадлежности народов северо-западной части Якутской АССР. Сов.этнография, 4, 1950, Его же. По поводу определения этнической принадлежности населения бассейна р.Оленека и Анабара. Сов.этнография, № 2, 1952. Б.О.Долгих. О населении бассейна р.Оленека и верховьев Анабара. Сов.этнография, 2, 1952, Его же. К вопросу о населении бассейна Оленека и Анабара. Сов.Этнография, 4, 1950.
70. А.Л.Чекановский. Сообщение о путешествии по Ледовитому и Оленеку И РГО, т.ХП, в.2, 1876.
71. О.А.Константинова. Эвенкийский язык. М.-Л., 1964.
72. М.Г.Левин. К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии. Кратк.сообщ.ИЭ, II, 1947, стр.84-85. М.Г.Левин и Н.Н.Чебоксаров. Хозяйственные типы и историко-этнографические области. СЭ, 4, 1955, стр.4.
73. Г.Ф. Миллер. Цит.соч., т.1, стр.184-185.
74. П.Г.Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Т.П, СПб., 1776-1777, стр.40.
75. См. подр.выдержки из описания кожаной лодки Рубрука, Плано Карпини и др. в Центральной Азии у F.Sinor. On Water Transport in Central Eurasia. Ural-Altaiisch Jahrbücher. Bd. XXXIII, I-2, 1961. Его же. Taʿar ~ Tavar ~ Tabar → Tar and tota. American Studies in Altaic Linguistic, v.I3, 1962.
76. М.Г.Левин. Этнич.антропол., стр.200-204.

77. В.П.Васильев. История и древности восточной части Средней Азии в X-XIII вв. Тр.ВО Русск.Арх.О., т.IV, 1857, стр.40.
78. Ы.А.Серебренников. Проблема субстрата. Доклады и сообщения. Институт языкознания, IX, 1956, стр.51.
79. Н.Н.Чебоксаров. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых. Сов.Этнограф., 4, 1967, стр.99.
80. Ф.П.Филин. Некоторые проблемы славянского этно- и глотто-генеза. Вопросы языкознания, 3, 1967, стр.39.

Список работ автора, использованных в докладе

1. На Нижней Тунгуске. "Северная Азия", У-VI, 1926, стр.150-157.
2. Токминские тунгусы. "Советский Север", 5, 1930, стр.26-38.
3. Витимо-Тунгир-Олекминские тунгусы. "Советский Север", 2, 1930, стр.96-114.
4. Сымские тунгусы. "Советский Север", 2, 1931, стр.132-152.
5. К вопросу о тунгусах, кочующих к западу от Енисея. "Советский Север", 10, 1931, стр.133-145.
6. Северное отделение Пединститута им.Герцена. "Советский Север", 1, 1932, стр.80-84.
7. Автобиографии эвенков. "Советская Этнография", 4, 1939, стр.73-76.
8. Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов. Ж."Советская Этнография", 4, 1946, стр.34-49.
9. Материалы языка к проблеме этногенеза тунгусов (авторепечат). Краткие сообщения ИЭ, I, 1946, стр.46-50. Рукопись "Материалы языка, фольклора и этнографии к проблеме этногенеза тунгусов. Арх.ИЭ, к.1, сп.1, № 676, 677, 678 (30 а.л.).
10. Древнейшие языковые связи современных народов Азии и Европы. Тр.ИЭ, нов.сер., II, 1947, стр.206-232.
11. Корытообразная нарта у эвенков. Сб. МАЭ, т.X, 1949, стр.93-97.
12. Тунгусский нагрудник у народов Сибири. Сб. МАЭ, т.XI, 1949, стр.42-61.

13. Эвенкийская экспедиция (предварительный отчет). Кр.Сообщ.ИЭ, У, 1949, стр.55-63.
14. К вопросу о киданях и тунгусах. "Советская Этнография", I, 1949, стр.155-160.
15. К вопросу о палеоазиатах Сибири. Кратк.сообщ.ИЭ, УШ, 1949, стр.48-52.
16. Эвенки писатели и переводчики. "Советская Этнография", 4, 1950, стр.124-136.
17. По колхозам Джугдырских эвенков. Изв.ВГО, 2, 1950, стр.163-173.
18. Енисейско-чирингдинские эвенки. Сб.МАЭ, XIII, стр.154-186.
19. Эвенки. Том Народы Сибири, 1956, стр.701-741 (при участии А.В.Смоляк).
20. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков. Сб.МАЭ, т.ХУП, 1957, стр.151-185.
21. К проблеме этногенеза тунгусо-маньчжуров. Кратк.сообщ.ИЭ, ХХУШ, 1957, стр.55-61.
22. Тунгусский кафтан (к истории его развития и распространения). Сб.МАЭ, ХУШ, 1958, стр.122-178.
23. Топонимика Восточной Сибири. Изв.ВГО, 4, 1958, стр.324-335.
24. Ранние представления о мире эвенков. Исследования и материалы по вопросам религиозных верований. 1959, стр.157-192.
25. Тунгусская колыбель. Сб.МАЭ, XIX, 1960, стр.5-28.
26. Ursprung der Gesänge, Tänze, Spiele, Legendenerzählungen und Schamanierens bei der Ewenki. Acta ethnographica, IX, f.1-2, Budapest, 1960, сmp.30-39.
27. Угдан - жилище эвенков Яблонового и Станового хребтов. Сб. МАЭ, XX, стр.30-39.
28. Олений транспорт. Сибирский историко-географический атлас. М.-Л., 1961 (соавтор М.Г.Левин).
29. Эвенки Катангского района. IV Сибирский этнографический сборник. М.-Л., 1962, стр.98-122.
30. Этнографические наблюдения и лингвистические записки А.Л. Чекаловского. Сб. А.Л.Чекановский, Иркутск, 1962, стр.47-56.
31. Типы обуви народов Сибири. Сб.МАЭ, XXI, 1963, стр.3-64.

32. Древние географические представления эвенков и рисунки карт. Изв.ВГО, 4, 1963, стр.306-309.
33. Erwerbung der Schamanenfähigkeiten bei der Evenki. Сб. Glaubenswelt und Folklore der Sibirischen Völker. Budapest, 1963, стр.369-380.
34. Самоназвание орочен, его происхождение и распространение. Изв.Сиб.отд.АН СССР, № 9, в.3, Новосибирск, 1963, стр.71-73.
35. Типы оленеводства у тунгусов в связи с проблемой расселения по тайге. Докл.на VII Международном Конгрессе антропологич.и этнографич.наук. М., 1964, стр.1-11.
36. Этноним саман → самай у народов Сибири. Сов.Этнография, 3, 1965, стр.139-145.
37. Уранкаи и эвенки. Доклады по этнографии ВГО, в.4, 1966, стр. 50-87.
38. Тунгусы. История Сибири, т.1, 1968, стр.395-402.
39. Эвенки в XVIII-нач.ХХ в. (в печати). 25 авт.л.
40. Производственный костюм эвенков как исторический источник. Сб. Одежда народов Сибири (в печати). 2 а.л.
41. Die Bedeutung der Tagebücher Messerschmidt's für die Tungusenkunde (печ.в очередном томе Messerschmidt Forschungsreise durch Sibirien 1720-1727). 1 а.л.
42. Материалы по фольклору Сибирских эвенков. Сб. Материалы по эвенкийскому фольклору. Л., 1936, стр.1-146.
43. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. М.-Л., 1966, стр.1-399.
44. Фольклорные материалы и племенной состав эвенков. Труды 2 Географ.съезда. Л., 1949, т.III, стр.353-364.
45. The horse in Evenki Folklore. Central Asiatic Journal, v. 3-4, 1965, стр.320-332.
46. Некоторые вопросы племени и рода у эвенков. Тезисы докладов научн.сессии. ИЭ (Ленинград.отд.), Л., 1967, стр.9-11.
47. Учебник эвенкийского языка для курсов по переподготовки учителей. Л., 1934, стр.1-156.
48. Эвенкийско-русский диалектологический словарь. Л., 1934, стр.1-244.

49. Эвенкийско-русский (диалектологический) словарь. М., 1958, стр.1-802.
50. Переводческая работа на языках народов Севера за годы советской власти. Сб. В помощь учителю северной школы. 8, 1958, стр.228-234.
51. К вопросу о тунгусах и ламутах северо-востока в ХУП-ХУШ вв. Уч.Зап.Як.фил.АН СССР, 5, 1958, стр.92-106.
52. К вопросу о классификации тунгусо-маньчжурских языков. Вопросы языкознания, 2, 1960, стр.43-49.
53. Очерки диалектов эвенкийского языка. Л., 1948, стр.1-351.
54. К вопросу о начале становления тунгусских языков. Тезисы. Совещание по методологии этногенетических исследований. М., 1951 (Академия Наук СССР, Институт Этнографии им.Миклухо-Маклай). Отчет.Изв.АН СССР. Сер.истории и философии, 1951, № 6, стр.576.
55. Очерк грамматики эвенкийского языка. Л., 1940, стр.1-193.
56. Эвенкийско-русский словарь. М., 1940, стр.1-208.
57. Русско-эвенкийский словарь. М., 1948, стр.1-331.
58. Некоторые данные по охотничьим обрядам и представлениям тунгусов. Ж. Этнография, 3, 1931, стр.57-67.
59. Игры Тунгусов. Ж. Этнограф-Исследователь, 2, 1928.
60. Типы оленеводства и их происхождение. Сов.Этнограф., 1, 1951, совместно с М.Г.Левиним, стр.63-87.

О г л а в л е н и е

1. Введение	1
2. Проблема этногенеза тунгусов	13
3. Тунгусский этнографический комплекс	34
4. Последующие этнические процессы	41
5. Проблема тунгусского оленеводства	46
Примечания	57
Список работ автора, использованных в докладе	64

Ротапринт "Гипронинеметаллоруд", зак.253, тир.120.
М-14921, 1.УП.68 г. Бесплатно.